

«Эта книга – просто находка для читателей,
которые в восторге от нежных принцесс
со стальным характером».

Kirkus Reviews

КОРОНА ЖЕЛАНИЙ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ
NEW YORK TIMES

РОШАНИ ЧОКШИ

Рошани Чокши
Корона желаний
Серия «Young Adult. Фэнтези.
Избранная звездами»
Серия «Звездная королева», книга 2

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42671947
Рошани Чокши Корона желаний:
ISBN 978-5-04-100184-1

Аннотация

Гаури – воинственная принцесса Бхараты, которую предал собственный брат. Ее ожидают изгнание и смерть, а потому девушке нечего терять. Надежда неожиданно приходит в образе Викрама, хитроумного принца соседней страны и ее заклятого врага. Не желая оставаться марионеткой в руках собственных советников, Викрам предлагает Гаури вернуть королевство в обмен на ее помощь. Им придется оставить разногласия и объединиться, чтобы вместе победить на Турнире желаний – состязании, которое состоится в Иномирье. Повелитель богатства обещает исполнить любое желание того, кто преодолеет все испытания. Ядовитые куртизанки, сад стеклянных птиц, праздник страхов и наполненные заклинаниями блюда – лишь

часть опасностей, что поджидают участников. Но вскоре Гаури и Викрам обнаружат, что нет ничего опаснее собственных желаний.

Содержание

Благодарности	7
Пролог	11
Часть первая	19
1	19
2	29
3	33
4	42
5	54
6	70
7	81
8	95
9	102
10	106
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Рошани Чокши

Корона желаний

Roshani Chokshi

A CROWN OF WISHES

A Crown of Wishes © Roshani Chokshi, 2017

First published by St. Martin's Press

Translation rights arranged by Sandra Dijkstra Literary Agency

Серия «Young Adult. Фэнтези. Избранная звездами»

© Эбауэр К. А., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

*Моим брату и сестре, Джаешу и Монике.
И всем братьям и сестрам,
которые отказываются быть второстепенными
персонажами в чьей-либо истории.
Вы станете легендами.*

Благодарности

Вторые книги даются тяжело. Да, знаю, звучит банально. Писать в принципе тяжело. Как и вставать по понедельникам. Но вторые книги – это особый вид страданий, ибо они беспощадно требовательны. Как в сказке «Если дать мышонку печенье», одно тянет за собой другое, и ты просто проваливаешься в пучину отчаяния, вымотанная дебютным годом и дикой паникой на тему «а умеешь ли ты вообще сочинять». Но эта история родилась сильной и жаждущей, чего никогда бы не случилось без помощи множества невероятных людей.

Спасибо моему партнеру по критике, Лире Селене: ты прочитала «Корону» в жутком черновом варианте и все же полюбила ее! Спасибо Клэр Дэйнс за обратную связь и восторженные вопли. Я счастлива называть тебя подругой. И Джей-Джей: записи подтвердят, что ты первой застолбила Викрама. Спасибо, что выслушивала мою болтовню за выпивкой, а потом болтовню из-за выпивки. Ты прорицательница.

Спасибо Стефании Гарбер за неизменную поддержку и совместные чтения регентских любовных романов. Наши многочасовые телефонные разговоры доставляют мне истинное удовольствие. Спасибо моим добрым и душевным бетам – Тристине Райт, Соне Чарайпотре, Айеше Патель, Энни Кирк и Аманде Фуди. Спасибо Саре Дж. Маас за то,

что как истинная королева воинов делилась своим бесценным видением этого проекта, за Бэрронса (потому что *обморок*) и за то, что находила время слушать и давать добрые и забавные советы. Спасибо Джесси Симе за прекрасные арты и за то, что, как и я, фанатеешь по Пинчу¹. Кэт Говард, Кавита Наллатхамби и Сохум Чокши: я перед вами в вечном долгу за ваши мудрость, проницательность и дружбу. Дамы из «Tall Tree Lane» (Леа Бобет, Райан Гродин, Э. К. Джонстон, Линдси Смит и Эмма Хиггинботам): спасибо за выпивку, смех и уничтожение блошек в тексте. «Это была славная смерть». Саба Тахир, Рене Ахди, Бет Рэвис и Джоди Мидоуз: спасибо за доброту и сверкающие таланты, которыми вы щедро делились со мной весь год. Я так вам признательна.

Также не могу не поблагодарить сообщество блогеров и буктьюберов, что без умолку говорили о «Звездной королеве» и вдохновляли меня каждый день. Отдельное спасибо Рейчел Саймон, Бриттани (Brittany's Book Rambles), Александре (Lit Legionnaire), Саммер (Butter My Books), Рейчел (YA Perfectionist), Саманте (Thoughts on Tomes) и Мелиссе Ли (Live Love Read YA). А также Виктории (@seelieknight) и Андреа (@ashryvur), чьи плей-листы помогли мне с правками и поиском нужных слов.

Спасибо дружному коллективу «St. Martin's Press» за поддержку, наставничество и за то, что подарили моим книгам любящий дом. Эйлин, ты видишь каждую историю до ко-

¹ Ронан Линч + Адам Пэрриш – персонажи романа М. Стивотер «Воронята».

стей, тогда как я вижу только пунцовую прозу и чепуху. Спасибо, что веришь в меня и носишь тысячи шляп: фанатки, советчицы в выборе любовных романов, личного гуру. Сказочной команде по маркетингу и рекламе (Бриттони, Карен и Ди-Джею): даже вручив каждому по короне желаний, я все равно не отблагодарю вас в должной мере. И библиотечной команде (Талии и Энни) спасибо за все! Талия, я работаю над твоей вампирской историей.

Тысяча и одна благодарность моему блестящему агенту, Тао Ле. Я так польщена, что в моей команде есть столь трудолюбивый и креативный человек, как ты. Спасибо за помощь и поддержку моей семье в «Литературном агентстве Сандры Дейкстра», особенно Джессике Уоттерсон и Дженнифер Ким. Спасибо Андреа Кавалларо за то, что вывезла «Звездную королеву» из страны и подарила ей дом за границей.

Спасибо моим друзьям, без которых я как без рук. Виктории Г. – за то, что поменялась со мной обувью в тот судьбоносный день в детском саду. Нив С. – за чай и сказки. Бисмаху Р. – за шведскую рыбу и уроки квазифранцузского. И Челси Б. – ты все же согласилась, что ядовитые куртизанки всегда уместны, спасибо.

А еще кланам Чокши, Ганди, Негроса и де Леон. Ваши поддержка и любовь – мой фундамент. Я в неоплатном долгу перед Момо, Додо, Куки, Погги и Пандой. Спасибо, что и бровью не ведете, когда я ношусь по дому, повсюду разбрасывая очки, надеваю рога, консультируюсь с силами зла и

никогда ничего не рассказываю о своих писательских проектах. Спасибо Шрайе, тете Паллави и дяде Санджаю за то, что пустили меня в свою жизнь и на свою кухню, за поддержку, любовь, вздохи и пиццу. Спасибо Аману: за смех и ореховый пирог, за выполненные обещания и развеянные кошмары, за то, что напоминаешь, как оставаться человеком, и без конца бросаешь мне вызов. А самое главное – за то, что вернул в мир волшебство, когда я разучилась его видеть.

И наконец, спасибо моим читателям. Я вас обожаю. Каждый день вы вдохновляете и покоряете меня. Спасибо за фан-арты, плей-листы, письма, поддержку и любовь. Спасибо за возможность рассказывать эти истории.

Пролог

Приглашение

Горечь снедала Викрама так долго, что он научился искажать и заглушать это чувство. Однако сегодня не стал применять свой многолетний опыт, позволив ядовитым кляцающим зубам впиться в сердце. Когда он приблизился к скоплению деревянных хижин, образующих ашрам², в воздухе разливались отголоски смеха. Викрам замер в темноте, чужой на всеобщем празднике жизни.

С восьми лет он часть года обучался в ашраме вместе с другими знатными юношами. Вот только остальных тяготила необходимость возвращаться в родные королевства и применять полученные знания на практике. Но не Викрама. Ему по возвращении в Уджиджайн всякий раз напоминали, что его образование – чистая формальность. Не фундамент. И Викрама все устраивало. Раз от него ничего не ждут, то можно учиться, не опасаясь никаких рамок, и выстраивать собственное мнение, не страшась его озвучить. Мысли его всходили на плодородной почве молчания, молчание обострило проницательность, и только она заставила Викрама принять титул, коим его одарила, пусть и неохотно, отцовская импе-

² Ашрам – обитель мудрецов и отшельников в Древней Индии, которая обычно располагалась в отдаленной местности – в горах или в лесу.

рия: Принц-лис.

Но проницательность не спасет, когда он шагнет в ашрам и лишится возможности игнорировать празднество другого принца, призванного в родные земли, дабы взойти на трон. Вскоре и Уджиджайн призовет Викрама домой. И что тогда? Дни сольются воедино. Надежда угаснет. Станет сложнее обманывать совет. Сложнее говорить. Викрам стиснул кулаки. Горечь вылилась усмешкой на губах. Столько лет он верил, будто предназначен для чего-то большего... Голова его наполнилась мифами и сказками, в которых магия убеждала принцев не обращать внимания на тени, вручала им короны и превращала их жизни в легенды. Викрам привык ждать момента, когда и пред его глазами откроется новый волшебный мир. Но со временем надежды его стали тусклыми и безрадостными. Совет Уджиджайна об этом позаботился.

У входа в ашрам, озаренный угасающим пламенем церемониального костра, сидел мудрец. Откуда он здесь в такой час? Шею его обвивала золотистая шкура мангуста. Нет, не шкура. Живой, просто задремавший мангуст.

– А вот и ты, – промолвил мудрец, открывая глаза. – Я уж тебя заждался, Принц-лис.

Викрам настороженно замер, по спине пробежали мурашки. Его никто не ждал. Никто не искал с ним встречи. Мангуст на шее мудреца зевнул, и что-то вывалилось из его пасти. Потянувшись, Викрам сжал пальцами что-то холодное и твердое, и сердце его ускорило бег. Рубин. Камень вспыхнул

неестественным светом.

Мангуст зевнул... драгоценностью?

– Хвастунишка. – Мудрец щелкнул его по носу, и уши зверька укоризненно поджались.

Мех его мерцал во мраке, блеснул, будто настоящее золото. Будто... магия. В детстве Викрам верил, что чары спасут его. Даже пытался поймать волшебство в ловушку. Как-то раскинул сеть на исполняющего желания якшу³, но в итоге заполучил крайне возмущенного павлина. С возрастом он оставил попытки, но так и не избавился от надежды. Лишь она отделяла Викрама от трона, что должен был принадлежать ему только на словах. Пальцы крепче сжали рубин. Камень вздрогнул, запульсировал, и пред лицом Викрама вспыхнул образ: он сам... сидит на троне. Могущественный. Освобожденный.

Юноша едва не выронил рубин. Магия прильнула к коже, по венам промчался звездный свет, и мудрец усмехнулся:

– Лишился дара речи? Ну-ну, принц-лисенок. Может, слова роятся в твоей голове, а ты просто не в силах протянуть руку и схватить верное. Но я добрый. Ну... или не очень. Доброта – весьма зыбкая штука. Но я люблю оказывать помощь. Сейчас ты должен спросить: «Зачем вы здесь?»

Потрясенный Викрам лишь кивнул.

³ Якша, или яккха, на языке пали – одна из разновидностей природных духов, ассоциируемых с деревьями и выступающих хранителями природных сокровищ. Женская форма – якши или якшини.

Мудрец улыбнулся. Порой улыбка – это лишь проблеск зубов. Порой – клинок, рассекающий мир надвое: до и после. Улыбка мудреца была из последних. И Викрам, никогда не испытывавший волнения, почувствовал, что она вот-вот перекроит весь его мир.

– Я здесь, потому что ты призвал меня, лисенок. Я здесь, чтобы пригласить тебя на игру, которая состоится на исходе столетия. Я здесь, чтобы передать: Владыка богатств и сокровищ уловил аромат твоей мечты и следовал за ним, пока не нашел твое жаждущее сердце и хитрую улыбку.

Рубин в ладони Викрама вновь задрожал, затрясся. Взор застила алая вспышка, и стало ясно, что рубин – и не рубин вовсе, а приглашение в виде драгоценного камня. Он вздрогнул... и развернулся золотым пергаментом, гласившим:

Владыка Богатств и Сокровищ

От Всей Души Приглашает Вас на Турнир Желаний

*В новолуние предъявите рубин и раскройте
тайную истину стражам врат.*

Рубин пропустит двух живых.

Победитель получит то, чего жаждет его сердце.

Но помните: желание – та еще отрав.

Викрам поднял округлившиеся глаза от свитка. Он понимал, что должен испугаться, но страх бледнел на фоне воспрянувшей надежды. Те затаенные мечты о великих свершениях не были лишь детскими фантазиями, потускневшими с годами. Возможно, с самого начала это было предчувствие... Как незримое знание, похороненное глубоко в душе. Нечто истинное, но сокрытое.

Мудрец кивнул на рубин:

– Приглядишься и увидишь, что тебя ждет.

Викрам пригляделся, но ничего не увидел.

– Попробуй спеть! Рубину нравится, когда его любят. Обольщают.

– Мое пение вряд ли можно назвать обольстительным, – наконец обрел голос Викрам. – Скорее, кощунственным, честное слово.

– Дело не в звучании, а в искренности. Вот, слушай...

С уст мудреца сорвалась не песня, а история. История Викрама. В рубине замерцали образы. Одной рукой Викрам цеплялся за императора, в другой сжимал пучок синих цветов. Из камня доносились голоса, приглушенные, недовольные. «Наследник Уджиджайна», – говорили они и смеялись. Викрам видел будущее, кое прочила ему империя, где он бессильное лицо власти, кукла, прозябающая в роскоши. Он видел кошмар долгой жизни, день за днем в безмолвии. Сердце сжалось. Уж лучше смерть. Голос мудреца звучал монотонно, но на ощупь был как россыпь золотых монет.

*Если хочешь на трон, так давай же, вступай в игру
Наши Владыка сокровищ так любит свои забавы
Вдруг и смелость твоя придется ему по нраву
Или можешь до смерти трусом сидеть в углу
Ну же, маленький принц, отвечай поскорее «да»
И сыграв, вы с партнером изменитесь навсегда*

Хижины ашрама словно подступали ближе, огонь потрескивал, как горсть топазов, а в голове Викрама укоренялась мысль.

Он построил всю свою жизнь на желании невозможного – истинной силы, признания, будущего, – и теперь, когда перестал искать, магия сама его нашла. Нашла и вдохнула жизнь в старые мечты, наполнив разум самым ужасным из вопросов: *а что, если?..*

Но пусть даже сердце трепетало, готовое поверить в чудо, слова мудреца заставили Викрама настороженно замереть.

– Вы сказали «с партнером»?

– Приглашение только на двоих.

Он нахмурился. Принцы в ашраме не особо вдохновляли на командную работу.

– Найди того, кто сияет. Чьи губы в крови, а сердце – с клыками.

– Похоже, такого трудно не заметить.

– Тебе особенно. – Голос мудреца разросся. Стал совсем не человеческим. Звук доносился отовсюду, лился с небес,

поднимался из грязи. – Скажи, что согласен. Вступи в игру, и получишь шанс завладеть всей империей, а не только шелухой иллюзорного статуса. Второго приглашения не будет.

Мудрец провел рукой сквозь огонь, и в языках пламени, как драгоценные камни, рассыпались образы:

Дворец из слоновой кости и золота, пронизанный черными потоками, в которых дрожат пойманные звезды, излучая свет. На дверных рамах вытравлены пророчества, а вместо неба над головой плещется океан, и отвергнутые легенды рассекают его воды. Тысячи якшей и якшини несут со всех концов морозный иней, лесную ежевику, болотную жижу и короны из облаков. Готовятся к чему-то.

Викрам будто попробовал на вкус свои мечты и теперь жаждал большего.

Магия пронзала его до костей, умоляя отринуть себя нынешнего. Он подался вперед, сердце колотилось все быстрее в попытке не отстать от жизни.

– Согласен, – выдохнул Викрам.

Как будто он мог ответить иначе.

Мгновение раскололось на части. В полной тишине мир снова стал прежним.

– Чудесно! – воскликнул мудрец. – Значит, увидимся в Алаке в новолуние.

– В Алаке? Но это... то есть, я думал, Алака лишь миф.

– О, милый мальчик, попасть туда – половина игры. – Он подмигнул. – Рубин пропустит двух живых!

– А выпустит тоже живыми?

– Ты мне нравишься, – рассмеялся мудрец.

И в следующий миг исчез без следа.

Часть первая

Девушка

1

Быть монстром Гаури

По ту сторону двери ждала смерть. Сегодня я встречала ее не в привычных доспехах из кожи и кольчуги, а в броне из шелка и краски для лица. Кто-то скажет, что одно с другим несравнимо, но алые губы бывают острее шамшира⁴, а подведенными сурьмой глазами можно целиться не хуже, чем стрелой со стальным наконечником.

И смерть может ждать сколько угодно, я все равно стану королевой. Я верну свой трон, даже если дорогу к нему придется проложить из крови и костей.

Смерть обойдется.

⁴ Сабля.

Вода обжигала, но после шести месяцев в подземелье даже это казалось роскошью. Тонкие струйки благовоний кружились по купальне, наполняя легким ароматом роз. На миг дыхание перехватило от мыслей о доме. Доме, где тут и там пестрели полевые цветы, где в холмах приютились высеченные из песчаника храмы, где жили люди, чьи имена я шептала в молитвах перед сном. Доме, где меня могла ждать Налини с глупой и неуместной шуткой наготове и сердцем, полным доверия, коего я не заслуживала. Но этого дома больше не было. Сканда, мой брат, уже позаботился о том, чтобы меня не подпустили ни к одному очагу Бхараты.

Служанка, которая должна была подготовить меня к первой – и наверняка последней – встрече с принцем Уджджайна, не произнесла ни слова. Хотя что она могла сказать той, кого вскоре приговорят к казни?

Я знала, что меня ждет. От стражников, охранявших темницу. Разведывая обстановку, я притворялась, будто мне снятся кошмары. Изображала хромоту. Заставила их думать, будто моя слава – не более чем слухи. Даже позволила одному из стражников коснуться моих волос и сказать, дескать, в моих силах убедить его приносить еду получше.

Я до сих пор горжусь тем, что разрыдалась вместо того, чтобы вырвать его глотку зубами. Оно того стоило. Люди склонны утешать сломленных жалких малышей. Они пообещали, что я умру быстро, если еще разок им улыбнусь.

Я ненавидела эти просьбы улыбнуться. Зато теперь знала,

когда сменяется стража. Знала, как они попадают во дворец и у кого какие незажившие травмы. Знала, что восточные ворота не охраняются. Знала, кто из солдат смеется, несмотря на больные колени. Я знала, как сбежать.

Я скользнула в протянутый наряд, и волосы мокрыми прядями прилипли к шелку. Никакого грубого льна для принцессы Бхараты. Королевская власть дарует странные преимущества. Безмолвная служанка провела меня в соседнюю комнату, где серебряные стены сливались в огромные, натертые до блеска зеркала.

На низком столике теснились изящные стеклянные флаконы с душистыми маслами, крошечные вазочки с сурьмой и шелковые мешочки с жемчужной и карминной пудрой. Мерцали на свету похожие на писчие кисти из тростника и обтесанной слоновой кости.

Меня захлестнула тоска по дому, и пришлось сжать кулаки, лишь бы не потянуться к знакомой краске. Матушки из гарема научили меня всем этим пользоваться. Под их опекой я узнала, что красоту можно наколдовать. А под нашим с Налини руководством они узнали, что за красотой может таиться смерть.

Налини заказала тонкие кинжалы, которые складывались в украшенные драгоценными камнями шпильки. И вместе мы научили гаремных женщин защищаться. До Налини я воровала ножницы и пробиралась в кузню, дабы кузнец научил меня владеть мечом. Отец же позволил мне заниматься вме-

сте с солдатами, сказав, что если я так жажду кого-то исцелить, то пусть это будут враги Бхараты. После его смерти тренировочные площадки стали моим убежищем от Сканды. Там он не мог до меня добраться. Да и я там не могла никому причинить вреда. Солдатское ремесло стало единственным способом защитить тех, кого я любила.

И способом загладить вину за то, что Сканда заставил меня сотворить.

Служанка дернула меня за подбородок, взяла инструмент – неправильный, как я заметила – и нанесла красный краситель на мои губы.

– Позволь я...

– Будешь болтать, – перебила меня служанка, – и рука моя наверняка дрогнет, когда я поднесу это острие к твоим глазам.

Принцесса или нет, я оставалась врагом. И я уважала ее гнев. Ее верность. Впрочем, если меня покрасят как попало, это будет уже другой разговор. Я опустила веки, стараясь не вздрагивать под пристальным взглядом служанки, и попыталась представить себя где угодно, только не здесь. Память услужливо оторвала меня от гнетущих мыслей и перенесла в далекое детство, когда я рыдала, потому что моя сестра, Майя, покинула Бхарату.

Матушка Дхина вытерла мои слезы, усадила к себе на колени и позволила наблюдать, как она наносит краску на лицо.

«Так мы защищаемся, бети⁵. Какие бы оскорбления и раны нам ни наносили, это наш щит. Не важно, насколько мы разбиты, болит только краска.

А ее всегда можно смыть».

По моей щеке скользнула мягкая кисть, рассеивая пыль измельченных жемчужин. От матушек в гареме я узнала, что такой порошок может сделать кожу сияющей, словно тысяча солнц, но если попадет в глаза, то вызовет слезы и временно лишит зрения.

Запах пудры окутал меня, как знакомый поношенный плащ. Я глубоко вдохнула и на миг вновь стала шестнадцатилетней и готовилась к празднику в честь сезона дождей во дворце. Арджун сказал, что я похожа на фонарь, и я показала ему язык. Налини тоже была рядом, облаченная в вызывающий наряд своего народа: шелковый шальвар-камиз⁶, расшитый сотнями зеркал в форме лун, и красный узорчатый пояс.

Год спустя, когда Арджун стал генералом, я поведала ему, что собираюсь отнять трон у Сканды. Я по мере сил защищала свой народ от его правления, но теперь не могла оставаться в стороне. Уже нет. Без лишних вопросов Арджун пообещал, что он и его солдаты не пожалеют жизней ради мо-

⁵ Дочка.

⁶ Шальвар-камиз, сальвар-камиз – традиционный индийский наряд, состоящий из трех частей: штанов (шальваров), длинной блузы (камизы) и, как правило, большого платка.

его дела. Еще через шесть месяцев я сделала свой ход. Брат был хитер, но жизнью дорожил больше, чем трон. Я думала, что поддержка Арджуна и его людей обеспечит мне бескровную передачу власти.

И ошиблась.

В ночь переворота на мне были лучшие доспехи: кроваво-алые губы вместо непролитой крови и темная, подобно ночи, сурьма, как символ хранимых мною тайн. Я вспомнила страх, от которого перехватывало дыхание, пока мы с горсткой лучших солдат ждали под мокрой каменной аркой. Вспомнила шляпки грибов, проросших меж камнями, бледных как жемчуг и кожа мертвецов. В темноте только их и получалось разглядеть. Я вспомнила, как прошла в тронный зал. Я так долго репетировала речь, что, когда наконец осознала случившееся, так и не сумела подобрать иных слов. Но я вспомнила тела на полу и молнию, что расколола ночное небо, будто яичную скорлупу. Я вспомнила лицо Арджуна, стоявшего рядом с моим совершенно спокойным братом. Он знал.

– Готово, – объявила служанка, удерживая зеркало перед моим лицом.

Я распахнула глаза и поморщилась, глядя в отражение. Алая краска выходила за границы губ, делая их толстыми и окровавленными. Сурьма была нанесена криво. Я казалась избитой.

– Тебе идет, принцесса, – издевательски-учтиво протяну-

ла служанка. – А теперь улыбнись и покажи нам знаменитые ямочки Жемчужины Бхараты.

Мало кто знал, что мои «знаменитые ямочки» – это шрамы. В детстве я порезалась тупыми ножницами, когда при-
творялась, будто деревянная статуя ракшаса настоящая и со-
бирается меня съесть. *«Судьба благоволит тебе, дитя, – ска-
зала тогда матушка Дхина. – Даже твои шрамы прекрасны»*. По мере взросления шрамы напоминали мне, что, если дать
людям выбор, они сами решат, что видеть. Потому я улыб-
нулась и понадеялась, что служанка увидит ямочки от улыб-
ки, а не шрамы на лице девушки, которая с юных лет трени-
ровалась с острыми предметами.

Служанка опустила взгляд с моего лица на сапфировое
ожерелье в углублении меж ключицами. Я инстинктивно
схватила за кулон.

Служанка протянула руку:

– Принцу не понравится, что ты надела украшение, не по-
даренное лично им.

– Я рискну.

Ожерелье – единственное, что осталось у меня от сестры.
Я не желала с ним расставаться.

Тем более это не просто украшение. В день, когда Майя
вернулась в Бхарату, я ее не узнала. Сестра изменилась.
Словно сумела отстраниться от зыбкой реальности одного
мира и узрела под ним нечто большее. А потом она исчез-
ла, промчавшись между лунным лучом и тенью. Ожерелье

напоминало мне, что нужно жить для себя, так, как жила Майя. Но также оно напоминало о потере. Огромная непостижимая магия украла мою сестру, и всякий раз, глядя на кулон, я понимала: нельзя верить в то, что не можешь контролировать. Он велел мне верить в себя. Ни во что и ни в кого больше. И я не просто хотела жить с этой верой, я нуждалась в подобных напоминаниях. И скорее умерла бы, чем рассталась с ожерельем.

– Мне оно понравилось. Пожалуй, оставлю себе, – заявила служанка. – Отдавай. Сейчас же.

Она схватилась за жемчужную нить. Несмотря на тонкие руки, пальцы у служанки оказались сильными. Она исципала мне кожу, пока пыталась подцепить застежку.

– Отдай. Его. Мне. Быстро, – прошипела она и ткнула костлявым локтем мне в шею, но я блокировала удар.

– Я не хочу причинять тебе боль.

– Ты и не сможешь. Стражники рассказали, насколько ты слаба на самом деле. К тому же ты здесь никто. – Глаза служанки лихорадочно блеснули. – Отдай ожерелье. Что в нем такого важного? И после всего, что ты отняла? Разве не могу я забрать одно проклятое ожерелье?

Ее слова больно жалили. Я не получала удовольствия от убийств, но никогда не колебалась, выбирая собственную жизнь вместо чужой.

– Прости, – хрипло произнесла я, отбивая ее руку от шеи. Прежде я была нежной, старалась не навредить тощей,

убитой горем девушке передо мной. Но теперь ее отбросило назад, лицо исказилось от потрясения и гнева.

Наверное, она потеряла возлюбленного, или жениха, или отца, или брата. Я не могла позволить себе переживать за каждого. Этот урок я усвоила еще в юности. Однажды я выпустила птиц из гаремного зверинца. Узнав об этом, Сканда усеял пол моей комнаты оторванными крыльями и сказал, что клетка – самое безопасное место для глупых пернатых. В другой раз, когда Сканда наказал матушку Дхину и запретил дворцовым поварам присылать ей обед, я отдала ей половину своего, за что меня морили голодом целую неделю. И это только те случаи, когда пострадала я одна. Брат многому меня научил, но самый важный его урок: эгоизм – залог выживания.

Привязанности стоили мне будущего. Привязанности заперли меня под каблуком Сканды и управляли мной. Привязанности отняли у меня трон и все, чем я дорожила. Только это и имело значение.

Служанка бросилась вперед, но я была наготове. Ногой ударила ее по голени, а правым кулаком с размаху – сильнее, чем мне полагалось, сильнее, чем требовалось – по лицу. С болезненным визгом девица упала, опрокинув изящный золотой столик. В воздухе вспыхнуло облако ароматов. На вкус мир стал как сахар, розы и кровь. Я отступила на шаг, грудь тяжело вздымалась. Я ждала, что служанка вскочит и кинется в драку, но она не шелохнулась. Так и сидела, скрестив

ноги и обхватив руками тонкий стан.

– Ты забрала моего брата, – всхлипнула она. – Ты не имела права. Он был моим.

Девушка говорила сбивчиво. И в тот миг казалась такой юной. По щекам ее потекли слезы.

– Ты монстр, – сказала она.

Я поправила ожерелье:

– У каждого из нас своя роль.

Пылающие розы

Гаури

Стражники сняли путы с моих запястий и втолкнули меня в красную комнату. Я дождалась, когда они уйдут, и только тогда вытащила шелковый мешочек с жемчужной пудрой, который украла со стола. В голове вновь прокручивался шаткий план: швырнуть порошок принцу в глаза, заткнуть ему рот, отнять оружие. Если он издаст хоть звук – приставить кинжал к его горлу и потребовать выкуп. Если решит промолчать – заставить освободить меня в обмен на его жизнь.

Я знала, что самостоятельно далеко не уйду, но почти любого можно подкупить, а если не сработает подкуп, то угрозы точно не подведут.

Радовало, что привели меня не в тронный зал. Последний раз в таком зале Сканда разрушил мои надежды на царствование и будущее.

Арджун не смотрел мне в глаза. Он не поднял их, даже когда в комнату втащили его новоиспеченную невесту и мою лучшую подругу. Налини рухнула на колени. Ее безумный взгляд метался между мной, Арджуном и мертвецами на полу. Сканда прижал острый клинок к ее шее, достаточно сильно, чтобы по коже скользнули капли крови.

– Я знаю, чего ты хочешь, – сказал он.

Я зажмурилась, прогоняя воспоминания. Затем огляделась, выбирая, из какого угла лучше всего атаковать. С одной стороны стену покрывала решетка из роз. Сердце сжалось. Я выращивала розы. Одна решетка на каждую победу. Мне нравилось наблюдать, как вокруг шипов распускаются кроваво-красные лепестки. Глядя на них, я вспоминала любовь моего народа: красный – цвет жизни. За месяц до того, как отправить меня через границу с Уджиджайном, Сканда в пьяном угаре поджег мои розы. Когда я добралась туда, было уже слишком поздно – каждый лепесток свернулся и почернел.

– Думаешь, эти цветы – знак любви Бхараты к тебе? – невнятно пробормотал брат. – Я хочу, чтобы ты увидела, сестрица. Хочу, чтобы увидела, как легко сгорает в пламени все, что ты любишь, все, о чем заботишься, все, что замыслишь.

Меня никогда не покинет образ пылающих роз. Алых лепестков, раскаленных, гневных. Словно последняя вспышка солнца перед тем, как затмение слизнет его с небес.

– Ты уверена, что они тебя обожают, но это ненадолго. Это ты роза. Не они. Они – пламя. И ты даже понять ничего не успеешь, как тебя поглотит целиком. Только шагни за очерченную мною грань, и они сожгут тебя.

Я отвернулась от роз.

Затем наконец выбрала угол и впилась зубами в щеку. Эта

привычка появилась накануне моей первой битвы. От нервов зубы стучали, так что я достала зеркало и уставилась на себя. Не помогло, но мне понравилось, как выглядит лицо. Казалось бы, крошечное движение, но скулы стали острыми, точно шамширы, а стоило поджать губы, и от меня повеяло угрозой, будто во рту спрятаны кинжалы. Кусание щек превратилось в боевую традицию. И сегодня я отправлялась в бой.

Вдалеке скрипнула дверь. Я припомнила все, что знала об уджиджайнском принце. Здесь его звали Принц-лис. И судя по тому, с какой завистью некоторые солдаты произносили это прозвище, вряд ли оно было связано со звериными чертами лица. Часть года принц проводил в ашраме, куда отсылала сыновей вся знать. Вроде как выдающийся ученик. Не очень хорошо. Но с оружием не в ладах. А это прекрасно. Стражники любили рассказывать об испытаниях, что устроил ему совет. Чтобы стать наследником Уджиджайна, принцу Викраму пришлось выполнить три задания: дать мертвому новую жизнь, зажечь пламя без огня и добыть самое мощное оружие в мире. Для начала принц вырезал кинжал из куска коры и доказал, что даже брошенные вещи могут получить вторую жизнь. Затем он выпустил из кувшинов тысячу светлячков и удержал в ладонях горстку крошечных насекомых – горящих без огня. И наконец, принц заявил, что отравил весь совет. Отчаявшись получить противоядие, совет назначил его наследником. Тогда Принц-лис признался

во лжи, тем самым доказав, что самое мощное оружие в мире – вера.

Всякий раз, слушая эту историю, я закатывала глаза. Она больше походила на байку из тех, что травят у костра крестьяне с буйным воображением. До меня долетали слухи о принце. О его происхождении. Будто он сирота, которого император пожалел. Но я сомневалась, что жестокий император Уджиджайна способен на жалость. По словам стражников, он держал подле себя жутких зверей, способных разорвать глотку любому, кто посмеет ему перечить.

Из коридора донеслись шаги. Я вцепилась в шелковый мешочек с пудрой. Будь принц хоть тысячу раз умен и красноречив, смерть словами не одолеешь, а я не собиралась давать ему и шанса открыть рот.

Судя по полученным сведениям, он мне не ровня. Я поставлю его на колени и за считанные секунды заставлю молить о пощаде.

Дверь в комнату распахнулась.

А вот и Принц-лис.

Зимняя тьма

Викрам

Прошедшие два дня стали расплывчатым пятном. В ашраме ждал посланник из Уджиджайна, дабы отвезти наследника во дворец. Викрам едва обратил внимание на его слова – что-то о дипломатической срочности, – ибо мыслями витал далеко-далеко, плененный рубином.

Даже сейчас казалось, будто кожа его слишком обтягивает кости, словно те разбухли от магии, и Викрам не помещался внутри себя самого. Замерев перед тронным залом Уджиджайна, он бросил взгляд за окно.

Будущее зывало к принцу. Тело его томилось от беспокойства. Жаждало действий. Двери распахнулись. Уши наполнились пением птиц, шорохом перьев, скрежетом когтей.

– Его величество примет вас, принц Викрамадитья.

За последние десять лет отец превратил тронный зал в зверинец. Потолок взмыл так высоко, что не разглядеть, сквозь стеклянные окна комнату заливал теплый солнечный свет. Гобелены были забрызганы птичьим пометом, а ковры – вытоптаны когтистыми лапами различных животных.

– Сын! – воскликнул император Пуруравас.

Викрам улыбнулся. Его отец, раздобревший и близкий к

слепоте, поковылял вперед. На плече его сидела одноглазая золотая обезьяна. Рядом вышагивала огромная пантера. Даже без одной лапы она выглядела величественнее половины придворных. Она прикрывала императора сбоку, подпирала, словно желала защитить старика от неумолимой руки времени.

Викрам огляделся:

– Смотрю, ты все так же увлечен коллекционированием слабых и беспомощных.

– Они не в обиде, – хмыкнул император.

– С чего им обижаться? Они благодарны. Как и я.

Он покраснел:

– Ты не какой-нибудь побитый зверек, которого я спас.

Разве? Одиннадцать лет назад император нашел Викрама склонившимся над обрывом. Телом он был невредим, но осколки разбившегося сердца резали его изнутри. До сих пор неясно, что император разглядел в нем тогда. Он мог бы бросить мальчишке несколько монет и уйти, но поступил иначе: привел его во дворец, заполнил пустоту в его сердце и надел корону на его голову.

– Тебя в этом ашраме хоть кормят? – Пуруравас ткнул Викрама под ребра. – Прекращай тратить время на бег. Ты стал еще костлявее.

– Ты хотел сказать, стройнее.

– Да ты жилистый как моринга!⁷

⁷ Дерево.

– Ты хотел сказать, высокий.

Император засмеялся:

– Как всегда ловко играешь словами. Из тебя выйдет прекрасный правитель.

– Ты хотел сказать, марионетка, – ляпнул Викрам, не успев остановиться.

Император помрачнел:

– Только не начинай снова, мальчик мой. Возможно, со временем ты сумеешь убедить совет прислушаться к твоему мнению. Ты умен, как любой истинный принц.

Викрам едва не подавился, представив, как будет убеждать совет. Он ведь уже пробовал, когда его подвергли Королевскому испытанию, и преподнес им новую жизнь, пламя без огня и мощнейшее оружие, не имея под рукой ничего, кроме куска дерева, насекомых и лжи. Но его подвиг – или «представление», как некоторые называли это до сих пор – породил лишь прозвище Викара и его репутацию.

– Зачем ты призвал меня, отец? – спросил он. – Твой посланник сказал, что дело срочное и дипломатическое. Пантера подралась с обезьяной?

Пантера, устроившая морду на передней лапе, возмущенно фыркнула.

– Ситуация прелюбопытнейшая. Бхарата готова вступить с нами в мирные переговоры, но только если мы публично казним присланного ими пленника. Одна загвоздка: пленник – принцесса Гаури.

Викрам вскинул брови:

– ...Жемчужина Бхараты?

Он усмехнулся. Что за нелепое прозвище! Но тут вспомнил, что его самого собственный народ сравнил с зубастым пушным зверьком, и перестал улыбаться.

– Я полагал, она вторая в очереди на трон после раджи Сканды. Сомневаюсь, что после стольких лет он разродится наследником. Почему они хотят ее смерти?

– Они не объяснили.

Впервые услышав о принцессе, Викрам испытал острую зависть. Чем она заслужила трон, кроме того, что родилась в нужном месте? Ее прославляли как великого воина, но репутация – скользкая штука. Так часто она оказывается лишь нитями слухов, сплетенными воедино. В отличие от Викрама, принцессе наверняка не приходилось ни за что бороться.

– И совет всерьез рассматривает это предложение? Оно может быть ловушкой. Ничто так не пробуждает боевой дух, как любимая принцесса, ставшая мученицей. Нас сотрут в порошок.

– Совет хочет, чтобы о казни объявил ты. Это будет твой первый монарший указ, и он положит начало договору с Бхаратой.

– Я думал, сперва они попытаются заключить бескровный союз.

Еще один урок правления, который Викрам прекрасно усвоил: если не можешь победить врага, женись на нем. Им-

ператор вспыхнул:

– Мы предлагали, но... ее смерть им предпочтительней.

– Полагаю, это некая форма милосердия.

И тут до Викрама дошел смысл слов. *«Это будет твой первый монарший указ»*. Сердце ухнуло вниз. Только отец и совет знали, что он Пуруравасу не кровный сын. Все прочие в империи верили, будто принц просто уродился болезненным ребенком и до семи лет был слишком слаб для официальных мероприятий. Отец считал, что кровь значения не имеет. Но не советники. Для них Викрам всегда оставался марионеткой с иллюзией власти и крепко привязанными к конечностям нитями, которые они дергали на своих заседаниях, куда его самого не допускали.

– Значит, я должен объявить казнь принцессы своим первым монаршим указом. А как же ты?

– Я буду твоей незримой поддержкой.

– Нет. Ты возьмешь дело в свои руки, если все пойдет наперекосяк.

– Викрам, я...

– Совет не уверен в собственном решении, потому позволяет все объявить новичку. И если план провалится, они официально отвергнут мои притязания на трон и восстановят тебя в качестве суверена.

– Это наихудший расклад, дитя мое.

К чести императора, он не лгал. И все же легкая дрожь прокралась в его голос.

– Осторожнее, отец. Кто-нибудь может услышать, как ты называешь меня своим, – холодно произнес Викрам. – Но как они собираются достичь всех своих целей? Совет же не стремится к войне.

И наконец все кусочки сложились воедино.

Он ждал, когда в сердце вспыхнет ярость, но ничего не чувствовал. На мгновение мир сжался до размеров этого зверинца, и в нем не было ничего, кроме разодранного шелка, искалеченных животных и птичьего помета.

– Ну разумеется, – тихо промолвил Викрам. – Войны совет не желает, зато желает избавиться сразу от двух досадных ошибок. Убрать народную героиню Бхараты и принять возмущение, если Бхарата не выполнит свои обещания. В знак доброй воли меня отстранят от «власти» и, возможно, до конца жизни сошлют в ашрам. А если все пойдет по плану, народная героиня Бхараты все равно исчезнет, а я останусь на троне в роли императора-марионетки. Умно. Мне почти хочется им похлопать.

Плечи Пурураваса поникли, и Викрам смягчился. Отец мог уговорить дикую пантеру положить голову ему на колени, но был не в силах убедить совет сделать Викара настоящим правителем. Десятилетия в благостном покое высосали всю сталь из голоса императора. Тронный зал должен был стать средоточием власти, но за время правления Пурураваса превратился в манеж для раненых животных.

– Совет уверил меня, что, если что-то пойдет не так, ты

ни в чем не будешь нуждаться и получишь помилование в течение года. – Голос императора надломился. – Ты сохранишь положение, получишь землю. И я надеялся, что, может, мы воспользуемся твоей ролью правителя для выгодного брака...

– Нет.

Викрам всплеснул рукой, задев штанину. Что-то острое ткнулось в ладонь. Рубин. *«Вступи в игру, и получишь шанс завладеть всей империей, а не только шелухой иллюзорного статуса»*. Он пробыл здесь достаточно долго. По венам мчался огонь. Викрам мог изменить эту жизнь.

– Я сделаю, как ты просишь, отец.

Пуруравас поднял бровь:

– Чего ты хочешь взамен?

– Неужели я столь предсказуем? Разве я ничего не даю просто так, без условий? – ухмыльнулся Викрам. – Но раз уж ты сам об этом заговорил, то, прежде чем взойти на престол, мне нужно уехать на месяц. По традиции именно столько наследник империи должен провести в медитациях. Ты и сам так делал, отец. Пусть я лишь марионетка, совету выгодно, чтобы я поддерживал хотя бы иллюзию приличий.

Отец глянул на него с подозрением и вздохнул:

– Ты ведь так решительно противился традициям, в чем же причина перемен?

– В патриотизме? – предположил Викрам.

Пуруравас скрестил руки на груди:

– Патриотизм – не причина. И куда отправишься?

– Я знаю, куда мне нужно. Осталось выяснить, как туда добраться.

– Говоришь загадками.

– Я всегда ловко играл словами.

– Месяц, – кивнул император, и глаза его наполнились слезами. – Я не смогу выторговать для тебя больше времени. Но озвучь приговор принцессе. Совет должен знать, что ты встретился с ней.

Викрам поморщился:

– Ты хочешь, чтобы накануне своего отъезда я приговорил девушку к смерти?

– Тебе ведь нужен трон?

Он покинул отцовский зверинец и вслед за стражниками направился по коридору, выкрашенному в ярко-красный цвет. Викрам мямлил стиснутые пальцы. Меньше всего перед отъездом он желал слушать, как какая-нибудь безутешная принцесса будет умолять сохранить ей жизнь. Они даже не встречались никогда. Что он скажет? *«Рад знакомству. А еще на рассвете вас казнят. Прощайте».*

Сдержав стон, Викрам распахнул дверь и плюхнулся на первый попавшийся стул. Принцесса Гаури стояла у окна, заслоняя свет. Она оказалась высокой. Почти по-мужски. Но тут она подняла взгляд, и Викрама поразили ее темные, как зимняя ночь, глаза. Черные, как сон. Секунду он не мог пошевелиться.

И не успел и слова вымолвить, как принцесса рванула вперед. Рот ее был вымазан в крови. Если она и выглядела как прекрасный сон, то только для того, чтобы отвлечь Викрама от осознания ее кошмарной сути.

В руке ее что-то опасно блеснуло. Он скатился на пол и услышал за спиной шипящие проклятья и какой-то треск. Жемчужина Бхараты отломала ножку от его стула и теперь держала ее над головой. Викрам вскинулся, готовый вразумить безумную принцессу, но дыхание перехватило. Воздух вокруг нее искрился сверкающими пылинками. Она сияла.

«Найди того, кто сияет. Чьи губы в крови, а сердце – с клыками».

А потом принцесса заговорила:

– Приблизись, и я убью тебя так быстро, что ты и пикнуть не успеешь.

4

Принц-лис Гаури

План с жемчужной пылью провалился. Ну и ладно. Зато у меня было что-то острое в руках, а большего и не надо. Я мельком оглядела принца. Пояса с оружием нет. Только тот, кто никогда не ужинал за одним столом со страхом, откажется носить кинжал. Изнеженный, избалованный принц. Он наверняка никогда и ни за что не боролся. Я покосилась на дверь – ни звука. Никто не спешил к нему на помощь. При желании я могла прикончить слабака прямо здесь и сейчас и все равно успела бы выскользнуть из дворца до того, как пьяный стражник проснется под конец своей смены. Но у принца все еще могло обнаружиться что-нибудь полезное, какая-нибудь фамильная реликвия, брошь или декоративные ножны, которые легко продать на рынке, и выручки хватит как минимум на дюжину наемников.

За спиной его мерцали свечи, создавая вокруг принца таинственный ореол. Он весь состоял из худых конечностей. Молодой, безбородый, широкоплечий и стройный. Он даже не потрудился встать на ноги после того, как скатился со стула. Так и сидел на полу, подавшись вперед и сцепив пальцы. Длинные тонкие пальцы, острые и чистые. Это руки учено-

го, не солдата.

– Это, верно, самое захватывающее знакомство в моей жизни. Продолжай.

Рука моя дрогнула.

– Что?

– Полагаю, у тебя есть требования. Готов выслушать. Я безропотно вошел в комнату и теперь стою тут, заинтригованный.

– Ты сидишь.

«Блестяще подмечено, Гаури».

Принц посмотрел вниз.

– И то верно. Какая-то вялая получается заинтригованность. Позволишь встать?

Я приставила ножку стула к его горлу:

– Вставай. Но если попробуешь закричать, клянусь, ни один звук не успеет вырваться из твоей глотки.

Принц поднялся, к его чести, даже не моргнув и не вздрогнув. Возможно, ему все же не чужда отвага. Или преступная глупость. Он повернулся к свету, и я наконец изучила строгие черты. Если он и был старше меня, то явно ненамного. Темные волосы падали на лоб, золотисто-карие глаза цепко вглядывались в мои. Принц оказался так красив, что мне захотелось пнуть его из принципа. А потом он склонил голову. По-лисы. И какая-то хитринка появилась в выражении лица – в изгибе губ, в задумчивых глазах.

– Благодарю, принцесса. – Он осторожно поклонился, не

забывая о ножке стула. – Очевидно, ты чего-то хочешь, раз не убила меня на месте. А может, ты бы и не смогла. До меня доходили слухи о твоих воинских подвигах, но мы-то с тобой оба знаем, что слава королевских особ зачастую насквозь фальшива.

В груди всколыхнулась досада. Меня всю жизнь окружали такие вот принцы. Иногда я даже отвергала их предложения руки и сердца одним мрачным взглядом, но слишком давно не общалась ни с кем в столь официальном тоне. В плену я только и могла что выкрикивать требования – воды, чистого постельного белья, больше еды – и теперь с трудом вспоминала сей завуалированный танец угроз и позолоченных слов.

– Хочу выбраться из Уджиджайна, – выпалила я.

«Как тонко».

Принц должен был возмутиться и отказаться наотрез, а вместо этого лишь приподнял бровь, словно говоря: *«Всего-то?»*

– Где же твое честолюбие? Ты вроде как наследница бхаратского престола, лишившаяся всего. Но просишь у меня только безопасный проход? Разве тебе не хочется большего?

Разумеется, мне хотелось. Я мечтала о троне, о защите для своего народа. Мечтала освободиться от Сканды.

– Меня прислали сообщить тебе о скорой казни, – тихо произнес принц.

Я не удивилась. Сканда предупредил меня, когда поймал.

– *Только вдумайся, сестрица. Твоя смерть может даже*

принести пользу. Если они выполняют мое требование, у нас появится новый союзник.

А потом мне заткнули рот кляпом, связали руки и ноги, забросили меня в колесницу и перекинули через границу, где на рассвете меня нашли уджиджайнские разведчики.

Принц смотрел на меня как-то странно. Не как другие мужчины. Те пялились с восхищением, страхом, вожделением. Иногда гадая, кто я такая. А этот гадал, на что я способна.

– Хочу тебя... – начал он, и я, злобно зыркнув, прижала ножку стула к его шее:

– Я скорее умру, чем позволю тебе прикоснуться.

– Хорошее развитие, – протянул принц. – Сначала ты угрожаешь смертью мне. Теперь сама грозишься умереть, не стерпев моих прикосновений. Другой бы на моем месте оскорбился. А теперь позволь закончить...

Я уставилась на него злобно.

– ...я дарю тебе свободу и даже нечто большее, если согласишься стать моим партнером... в игре.

Взгляд принца озарился расплавленной тоской. Я видела в этих глазах все, вплоть до острой, рвущейся наружу жажды, и оттого и сама разгоралась. Потому как в себе видела то же самое.

– В какой еще игре?

Колебаясь, он повертел что-то в пальцах – довольно крупный рубин, излучавший собственный свет.

– Волшебной игре. – Принц подбросил камень в воздух,

и я поймала его.

– Что это?

– Доказательство. Магии. Надеюсь, если ты сама во всем убедишься, то присоединишься ко мне, – деловито произнес принц. – Как и тебе, мне и нечего терять, и есть, что выиграть.

«Безумец».

Это было нелепо. Мне хотелось треснуть его по голове ножкой стула и убежать, пока есть шанс. Рубин в моей ладони задрожал, испуская алый свет, что застил мой взор. К моему позвоночнику словно кто-то привязал нить и потянул вверх. Я покинула тело. Комнату. Оказалась вне времени.

А рубин обещал. Я увидела себя на троне, рядом стояла Налини с высоко поднятой головой. Я увидела мир без Сканды и предателя Арджуна. Я словно искоса взглянула на собственную судьбу, впервые узрев ее истинную, и надежда на воплощение всего, о чем я мечтала столь отчаянно, яркая и зловещая, затрепетала в потаенных уголках моего сердца. После исчезновения Майи я вдоволь налюбовалась магией и знала, как она ощущается – шепотом и ревом, чудом, врастающим в кости и заставляющим поверить, что без него тебе не прожить. Когда свет рубина наконец освободил меня, я изнывала от этой жажды.

Принц Викрам выхватил камень из моей руки и теперь молча пожирал меня глазами. Я уронила ножку стула. Ледяное дыхание тонкими струйками с треском вырывалось из

груди.

Я верила в магию с тех пор, как увидела невозможное: моя сестра вернулась с кладбища воспоминаний Бхараты и исчезла в Чакарском лесу. Но осознавать чары не то же самое, что ощутить их всплеск внутри себя. Рубин словно призывал. Распарывал швы на моем разбитом сердце, дразнил всем, что могло осуществиться, если бы мне хватило смелости рискнуть. И все же... меня охватил дикий ужас. Эта... эта штука проникла в самое мое нутро и вынесла мои надежды на свет, словно никчемные кусочки цветного стекла.

Я ненавидела волшебство с тех пор, как потеряла Майю в лесу. Оно поглощало людей, как поглотило мою сестру. Вместо тела для скорби Иномирье оставило мне лишь сундук настороженности и ворох кошмаров.

Даже будь чары в силах помочь, я не хотела иметь с ними ничего общего. Лучше одержать собственную победу. Без всякой магии.

– Ну? – подтолкнул принц.

Я вновь уставилась на рубин. Если его продать, за вырученное золото можно купить целый отряд наемников. И если сейчас убить наследника Уджиджайна, между нашими странами воцарится такая неразбериха, что я сумею незаметно проскользнуть в Бхарату, вызволить Налини и усилить хаос. Сканда ничего не знает о войне. Только мне под силу обеспечить безопасность народа. Но сначала нужно выбраться, а значит, не обойтись без этого глупого принца, который дол-

жен освободить меня под любым предлогом.

– Расскажи об этой игре.

Викрам ухмыльнулся, уверенный, что я попалась.

– Она называется «Турнир желаний». Желание победителя исполнится. Ведь это куда заманчивее, чем просто выбраться из Уджиджайна? Если я отпущу тебя, ты будешь равно что нищенка в голодный год. Но представь, что можешь загадать что угодно. Даже вернуть свой трон, Принцесса. Полагаю, ты его лишилась, раз уж соплеменники приговорили тебя к смерти.

В горле пересохло. Желание. Вдруг почудилось, будто сестра протянула руку сквозь время и стиснула мои пальцы. И в голове, точно сумерки и мед, разлился ее голос:

«...говорят, Владыка сокровищ устраивает турнир для самых лучших и самых худших, для мечтающих и сломленных. Он предложит тебе игру, не похожую ни на одну из тех, что ты знала прежде. Возможно, заставит искать твое истинное имя в звездном замке, или отвоевать твой же голос у демона, или выпить яд и съесть страх...»

Сестра рассказала эту сказку, когда мне было семь. Я никогда ее не забывала, но подавила в себе желание вновь погрузиться в ее волшебство, отдать свою жизнь на милость магии. Слишком долго я пробыла под властью Сканды и не собиралась менять одного тирана на другого.

– Турнир проходит в городе немыслимых сокровищ и богатств. Вряд ли о нем многие слышали...

– Алака, – прошептала я и, лишь услышав собственный голос, поняла, что говорю вслух.

Рука невольно метнулась к ожерелью.

– Откуда ты знаешь? – Викрам пристально меня разглядывал.

– Это так важно? – буркнула я, расслабляя пальцы. – Я знаю, что это одно из царств в Иномирье. Дворец якшей и якшини. Говорят, они хранители сокровищ, найденных в лесах, реках и пещерах.

Он моргнул.

– А еще это дом Куберы – Владыки сокровищ и стража севера, – пробормотала я.

– Значит, ты и воин, и ученый. Как необычно для принцессы.

Я засмеялась:

– Женщины Бхараты певицы, художницы, солдаты и ученые. Я ничем не отличаюсь от прочих.

– Откуда ты знаешь эти истории?

– У меня есть уши. – Я не собиралась говорить о Майе. – Ты уверяешь, что я получу желаемое, а что насчет тебя? Ты наследник, что еще тебе нужно?

На мгновение лицо Викара помрачнело, а затем он грациозно пожал плечами:

– Мне нужно все.

Он явно что-то скрывал, но его секреты ничего для меня не значили. Повернув рубин, я разглядела на одной из гра-

ней гравировку, которой прежде не было – силуэт человека, ползущего на четвереньках.

– Это билет. Пропустит в игру двух живых.

– А выпустит живыми?

Я мысленно выругалась. Зачем вообще спросила? Ведь не планировала вступать в игру.

Викрам усмехнулся:

– Я задал тот же вопрос. Вероятно, победа – единственный способ выбраться. Итак. Принцесса Гаури, Жемчужина Бхараты и бывшая наследница престола. Ты станешь моим партнером?

Ни за что. Я посмотрела на рубин. Едва покинув Уджджайн, я собиралась убить принца и забрать камень. Я перевела взгляд на роскошный наряд Викара. За тряпки тоже можно выручить немало золота. И если украсть одежду и перерезать ему глотку, смерть будет выглядеть как ограбление. Бхарата ни при чем. Я улыбнулась.

– Когда начало?

Принц торжествующе ухмыльнулся:

– В новолуние.

– Через три дня.

– Вот только я точно не знаю, как туда добраться, – добавил он, соединив ладони.

– А у рубина спрашивал?

Его глаза округлились.

– Принцесса, да ваша гениальность не знает границ! Я бы

в жизни не додумался до самого очевидного. Давайте же, спросите камень, как попасть в Алаку. Посмотрим, что он ответит.

Я всерьез подумывала покалечить этого паяца, но лишь пробормотала вопрос в рубин. Камень закрутился, и из гра-ней его вырвался лист пергамента:

Алака там, где вас снедают воспоминанья,

**Алака там, где нет
пощады глупцам и трусам.**

Может, я и не хотела связываться с магией, но она все равно что-то сотворила со мной. Слова с пергамента окутали мое сердце. Моргнув, я услышала во мраке голос Майи, повествующий о великих приключениях, которые когда-нибудь наверняка отыщут путь в мои сны. Но воспоминание о ней рассыпалось сотнями осколков кошмара. Я никогда не узнаю, что стало с сестрой...

– Полезно, – как можно спокойнее произнесла я.

– Я размышлял об этом беспрестанно. Нам нужен вход в волшебное царство. Сначала я хотел пройти через двор кремации, но как-то нет желания оказаться в Нараке...

– Так ты знаешь, как туда попасть, или нет? – нетерпеливо спросила я.

– Знаем ли мы хоть что-нибудь на самом деле?

Я закатила глаза.

– Скоро выдвигаемся?

– Не торопись, принцесса. Я предложил тебе партнерство, но должен убедиться, что слава твоя не просто слухи. Я не в силах защитить нас обоих и честно признаю, что в случае чего позволю тебе умереть.

– Наконец-то мы нашли нечто общее, – сладко пропела я. – Я поступлю точно так же.

Викрам встал и принял нечто отдаленно похожее на боевую стойку. Вот только равновесие было смещено от центра, и ноги он согнул не достаточно, чтобы выдержать удар. Не стойка, а глупая поза.

– Одолей меня.

– Я не нападаю на слабаков.

– Я слышал иное.

«Зря ты это сказал». Я сделала ложный выпад влево, и принц купился. Еще бы. Что боец, что стратег из него никакой. Уже через пару секунд он лежал на спине.

– Не считается, – прохрипел Викрам. – Меня сбила с ног твоя красота.

– Тебя сбил с ног пинок под зад.

– И это тоже.

Он попытался подняться, но я наступила ему на грудь.

– Больше не будет представлений ни для тебя, ни для кого-то еще. Никогда не проси меня о подобном снова.

Викрам гневно сверкнул глазами:

– Высказалась?

– Да.

– Могу я встать?

– Нет.

– Вижу, ты любишь мужчин с раздавленным эго.

– Только с ними я чувствую себя великодушной.

Он рассмеялся:

– Приношу свои извинения.

– Уходим, как только стемнеет, – сказала я. – И верни мое оружие и одежду.

Викрам закинул руки за голову, словно подушку, и уставился в потолок.

– Хорошо. А теперь, будь добра, убери ногу с моей груди.

Золотое яблоко Гаури

Лис сдержал обещание только наполовину. Вернувшись в темницу, я нашла свою одежду под расшатанной деревянной плиткой, а вот кинжалов не было. Не то чтобы я его винила. Вероятно, это вообще первый разумный поступок принца. Теперь оставалось лишь дожидаться ночи, когда он – предположительно – вытащит меня из подземелья и мы сбежим.

Впервые за несколько месяцев я отдалась во власть надежды вернуться в Бхарату. И когда я это сделаю, не возникнет никаких споров о том, кому принадлежит трон. Братец либо падет ниц, либо разлетится на куски. Налини будет свободна.

С момента предательства Арджуна миновало почти шесть месяцев. Еще один оборот луны ознаменует годовщину прибытия Налини в Бхарату и мой День возраста. Я до сих пор помню, как гарем готовился к ее приезду. Воспитание при дворе дочери вождя племени с окраин Бхараты должно было стать гарантом мира: она растет принцессой и выходит замуж за знатного господина, а ее родственники в обмен стерегут границы.

Налини появилась в день моего тринадцатилетия и сразу по прибытии попыталась поджечь гарем и скрыться. Ее имя

было у всех на устах, а значит, обо мне все забыли. Она мне сразу не понравилась.

Через неделю я решила отомстить. Сканда устроил празднество на берегу. Женщины прогуливались парами, защищенные ширмами из слоновой кости, что не давало нам разглядеть мир за пределами гарема. Налини демонстративно вышагивала у самой кромки воды, высоко вздернув подбородок и уставившись строго вперед. Когда она проходила мимо, я поставила подножку. Она споткнулась, потеряла равновесие и с громким всплеском рухнула в воду. Это должна была быть шутка, но Налини не всплыла, чтобы глотнуть воздуха, и я запаниковала. И вот под крики жителей Бхараты и визг гаремных жен – и прямо на глазах у Сканды – я нырнула следом и вытащила Налини на поверхность.

– Я думала, ты умеешь плавать, – выдавила, откашливая воду.

Налини обрушила на меня поток проклятий, но ее шипения никто не услышал за громкими возгласами толпы:

– Принцесса Гаури героиня!

– Слава Гаури! Слава Гаури!

– Смотрите, она спасла принцессу-дикарку!

В конце концов мы с Налини стали близки, точно сестры, но прошли годы, прежде чем я поняла, что тот день породил легенду, заманившую меня в ловушку на всю оставшуюся жизнь. Именно Сканда позаботился о том, чтобы все и вся называли меня героиней.

Он пересказывал историю о спасении Налини из воды так часто, что воспоминания людей спутывались, пока не превратились в совсем другую историю. Слава спасительницы опозорила меня. Меня почитали за ничтожно мелкий поступок. Так нельзя. Надо было сказать правду. Возможно, тогда все сложилось бы иначе.

Заслышав приглушенный звук, я встала и прижалась к стене. Раздалось тихое шарканье. Кто-то возился с ключами. Затем дверь беззвучно распахнулась, и на пороге появился принц.

– Готова?

Я кивнула, перешагивая через одурманенных и спящих стражников, а едва покинула темницу, как почувствовала, будто мир... ждет. Воздух раскалился и закружил вокруг нас. Взмолванный и беспокойный.

Снаружи царила беззвездная полночь. Ни единой капли света не пролилось с небес, пока мы мчались сквозь каменные арки к теплым, пропахшим мускусом конюшням. Ни единого шороха не раздалось в тени, пока мы отвязывали лошадей и покидали территорию дворца. Ни единого вздоха не выдало наш побег. словно мы увязли в потерянном мгновении перед сном.

Мы ехали до самого рассвета, разогнавшего опаленные облака по всему горизонту. Лошади блестели от пота. И какая бы магия ни помогла нам скрыться в ночи, к тому моменту она истаяла. Завизжали птицы. В воздухе зазвенели тыся-

чи крыльев насекомых. Мой желудок заурчал. Участь дворового пленника была не так и ужасна, как мне казалось. По крайней мере, меня кормили вовремя.

Я покосилась на Лиса. Он выглядел раздражающе уязвимым: по-прежнему без пояса с оружием, а держится так, будто несокрушим. Прежде чем мы покинули Уджиджайн, я проверила седельную сумку на своей лошади и нашла пару кинжалов. Не моих, но я все равно спрятала один в рукаве. Лис даже не пытался скрыть рубин – камень поблескивал в неглубоком кармане его туники точно спелый фрукт, который так и просится в руки. Вот вам и умник. Убить всадника на лошади нетрудно, но я не хотела спугнуть животное. К тому же...

– Как к тебе обращаться? – повернулся ко мне принц, и я замерла. – «Жемчужина Бхараты» как-то слишком скромно, не находишь?

Я ненавидела это прозвище. Сканда приказал прославлять его на каждом празднестве.

– Зови Гаури.

– Как интимно.

Я взглянула на него исподлобья:

– Наслаждайся, потому что другой интим тебе не светит,

Принц-лис.

«Считай это последней любезностью перед твоей смертью».

– Я предпочитаю Викрама, – сказал он, улыбаясь так,

словно я выдала какой-то секрет.

Жаль, убивать принца было рано – мы еще не достаточно отделились от Уджиджайна. К тому же я хотела привести его как можно ближе к Бхарате.

– Куда мы едем? Ты говорил про вход в волшебное царство.

– А. Да. – Он похлопал по карману с камнем, но не достал его. – Я думал, рубин станет своего рода компасом.

– И?

– Теория оказалась ошибочной.

– Итак... ты понятия не имеешь, куда ехать?

– Этого я не говорил. Нам нужно в Чакарский лес. Согласно легендам, все царства Иномирья связаны меж собой. Найдем вход в одно – получим мостик к остальным.

Слова шипами пронзили сердце. В Чакарском лесу я в последний раз видела Майю. В ночь ее исчезновения чары окутали мир, притягивая небеса к земле и соблазняя меня поднять руку и схватить пригоршню звезд. Я прогнала воспоминания о сестре и сосредоточилась на выгодах решения принца. Чакарский лес близко к Бхарате. Я могу убить глупца и уже завтра продать рубин на рынке.

Я впилась пятками в лошадиные бока:

– Так пошевеливайся, пока светло.

День подходил к концу. Я оглядывалась через плечо, ожидая увидеть поисковый отряд, но погони не было.

Нет, я не думала, будто наш побег оказался столь хитро-

умным и тайным, что поставил в тупик целую империю, не настолько я высокомерна. Это скорее некая сила Иномирья ломала законы здравого смысла и логики. Она... жаждала нас. Я запрокинула голову, словно могла разглядеть мягкое подбрюшье магии, склонившейся над нами, как зверь над своей добычей.

К вечеру мы добрались до окраины леса, и даже здесь все было пронизано волшебством. Деревья не стояли на месте. По чернильным корням, что лишь секунду назад погрузились в землю, разливалось серебристое сияние.

По коже пробежал мороз. Казалось, что тень леса вот-вот расколется мою жизнь надвое. Стоит шагнуть вперед – и магия, которой я пыталась избежать, поглотит меня целиком.

А значит, убить принца надо прямо здесь и сейчас.

– Лучше спешиться, – сказала я. – В темноте лошади могут испугаться.

Он вскинул бровь, но без разговоров прыгнул на землю. Зато глянул так... пронизательно. Воин или нет, а все же надо застать его врасплох.

– Сначала проверю, нет ли опасности. – Я отошла от принца.

– Без оружия? – уточнил он, прислонившись к дереву.

Я застыла. Я не могла показать, что уже прихватила кинжал, потому для виду порылась в сумке и достала второй. При ближайшем рассмотрении клинок показался странным, я такого прежде не видела – острый, с хорошим балансом,

но на рукояти выпирала какая-то шишка.

Неудачная конструкция.

Принц усмехнулся и отпустил меня взмахом руки. Из похода в лес я устроила грандиозное представление и вскоре скрылась в тени. Затем выждала, пока окончательно стемнеет, и, зажав себе рот рукой, чтобы заглушить дыхание, шагнула назад по мягкой, безмолвной траве. Принц стоял ко мне спиной.

Рывок.

Я схватила его за ворот, приставила к горлу кинжал и, когда принц рухнул на колени, уперлась пяткой в его голень, пригвоздив к месту.

– Разве мне не положены последние слова? – просипел он.

– Ты их только что произнес. Отбрось рубин в сторону.

Принц Викрам только ухмыльнулся:

– Как пожелает прекрасная принцесса.

Затем сунул руку в карман и отшвырнул... кусок цветного стекла. Обманку.

– Где настоящий?

Викрам пожал плечами:

– Наверное, где-то выронил.

– Ты точно спрятал его на себе. Отдавай.

– Вперед, общи каждый дюйм моего тела, – подмигнул он. – Это скрасит последние мгновения моей жизни.

Я прижала клинок сильнее, и по стали потекла тонкая струйка крови. Викрам поморщился и улыбнулся:

– Рискни.

«С меня хватит». Я надавила на кинжал со всей силы и почувствовала, как рукоять стала легче. На один вздох. А следом на траву упало отломанное лезвие. Принц подхватил его, откатился в сторону и стряхнул с волос грязь.

– Хитро, не так ли? – Он отбросил клинок за спину. – Сам сконструировал. Потребовался почти год, чтобы усовершенствовать механику. Любое смертоносное давление ломает лезвие.

Я уставилась на бесполезную рукоять в своей ладони.

– Ты дал мне фальшивый кинжал?

– И показал тебе фальшивый рубин, – добавил Викрам. Наши взгляды встретились, и он улыбнулся. – Что ты собиралась делать, принцесса? Убить меня и продать камень? Нанять собственную армию?

У меня приоткрылся рот.

– Поверь, я бы с тобой никаких дел не имел, но такова воля рубина, и ты подходишь под описание. Думаю, мы могли бы сработаться. Мы стоим на пороге волшебства, а ты предпочитаешь закрыть на него глаза в обмен на пару наемников?

Я зарычала, медленно наступая на принца:

– Смерть от кинжала была бы милосерднее.

В его глазах промелькнула неуверенность, и он сделал шаг назад, в Чакарский лес. Я устремилась следом, не обращая внимания на то, как пропитавшая воздух магия тянется ко мне и шепчет: «Да, да, да».

Викрам поднял руки:

– Давай не будем горячиться...

Меж деревьев мелькнула золотая вспышка. Меня обдало потоком воздуха, Викрам осекся. Я повернулась к тому, что несло к нам сквозь лес, и прищурилась. Мяч? Камень? И едва успела уклониться и поймать таинственный снаряд.

В моей руке оказалось золотистое яблоко. Кожура его сияла, точно маленькое солнце. Нет, яблоко было не просто золотистым.

«Это чистое золото».

Викрам уставился на него:

– Это же...

Над головой затрещали ветви. Пронзительный обезьяний смех прорезал воздух, и под этот визгливый гогот с небес посыпались сотни абрикосов, вишен и расколотых гуав. Сквозь фруктовую завесу я различила силуэты трех существ, затем огляделась, но больше к ним никто не присоединился. Мне казалось, обезьяны передвигаются огромными стаями, но эта троица действовала как охотничья группа. Или отряд солдат.

Я хотела было выбросить золотое яблоко и схватить с земли палку, чтобы отпугнуть их, но оно прилипло к ладони, будто вросло под кожу крошечными шипами. Кожура сочилась медом.

Фруктопад прекратился. Обезьяны двинулись вперед, и Викрам тут же шагнул ко мне поближе. Страх ледяной рукой

стиснул сердце. Вокруг разлилась магия, силой выталкивая воздух из моей груди. Я моргнула, и за деревьями что-то замерцало. Призрачные очертания городов. Ночь распахнула глаза. Иномирье казалось существом из плоти и крови, затаившимся в темноте, скрывающим свое истинное лицо.

Я и без рубина понимала, что эти обезьяны связаны с Иномирьем. Они передвигались как люди, щеголяли золотыми штанами, а одна даже нацепила шлем. Самая высокая – с черной шерстью и серебристым шрамом на лбу – уставилась на нас, в руках ее ярко сверкнул меч. Я напряглась, зная, что одной рукой сражаться не смогу. Впрочем, совсем уж бесполезной я не была. Магия магией, а кровь можно пустить любому.

Глаз зацепился за кучу фруктовой мякоти и кожуры, и я пнула ее со всей силы, целясь обезьяне в лицо.

– Беги! – крикнула Викраму.

Меткость не подвела – обезьяна завопила и выронила меч. Но стоило мне потянуться к оружию, как шеи коснулось что-то острое. Вокруг парили кинжалы. Готовые убить. Одна из обезьян заставила Викрама опуститься на колени, и три зачарованных клинка воротником застыли у его горла.

– А ну уберите от нас эти штуки, обезьяны...

– Не обезьяны, – прошипел Викрам. – Ванары.

Ванары. Настоящие ванары. Я постаралась припомнить все, что знала о них из рассказов Майи. Коварные. Правит ими легендарная королева Тара в ледяном королевстве Киш-

киндха. Вот только толку от этих сведений никакого. Майя не упоминала, что это не маленькие говорящие мартышки, а высокие существа, на вид столь же сильные, как лучшие воины Бхараты. Хуже того, им подвластна магия. И они без колебаний воспользуются ею, чтобы убить.

– Ты! – взвизгнул ванара, резко кивнув на Викрама. – Мы явились за тобой! Вор всегда возвращается на место преступления.

Глаза его расширились, на лбу выступил пот.

«Ну что, принц, такой магии ты жаждал?»

– Я ничего не крал.

– Нас не проведешь, – фыркнул ванара с желтым мехом. Затем вынул кинжал и быстро надрезал воздух.

Из «раны» просочился тонкий луч света, расширяясь и расширяясь, пока не обернулся образом юноши, бегущего по саду костяных деревьев. Он протянул руку к коре и вытащил из ствола золотое яблоко. И главное, в человеке безошибочно узнавался Викрам. На сотканном из света полотне он убежал, а после швырнул яблоко сквозь ветви.

Затем картинка исчезла.

– Убедился? – сказал ванара. – Мы ждали тебя сто лет.

– Я всегда надеялся состариться с изяществом, но сто лет? Это невозможно. Взгляните на меня. Я точно не ваш вор, – заверил Викрам. – Никогда не видел такого сада.

Но ванары его будто даже не слушали. Желтый медленно улыбнулся:

– Я знаю, как поступают с ворами и зверьем.

– Судят! – крикнул другой.

– Но здесь нет королевы, – возразил серый ванара. – Она покинула нас. Больше тысячи лун с тех пор стерегли небо, и ни одна ее не видела.

– Чего королева не видит, за то королева не отругает.

– Так почему тогда просто не обезглавить их, и дело с концами? – спросил желтый. – Мне нравятся их лошади.

Сражаться я не могла, потому выбрала иную тактику: торг.

– Если вам нужен фрукт, то забирайте! – воскликнула я, протягивая руку с прилипшим яблоком. – Берите и оставьте себе, мне до него дела нет.

– Яблоко уже выбрало тебя, девчонка, – отозвался серый ванара. – Для нас оно теперь бесполезно. Но если хочешь сохранить хоть крохотный шанс дожить до завтрашнего дня, не советую его есть.

Новая тактика: ложь.

– Если обезглавите меня, придется отвечать перед армией Бхараты, – объявила я, повыше вскинув голову. – И они без колебаний перебьют животных. Я...

Ванары замерли.

– Как ты нас назвала?

Самый крупный шагнул вперед:

– Ты сравнила нашу гордую древнюю расу со зверьем?

Сердце сковало льдом. Клинки впились в мое горло, го-

товые вкусить крови и плоти. Вот и все. Я не хотела связываться с магией, а теперь от нее же и умру...

– А если мы шпионы? – вклинился Викрам.

Кинжалы дрогнули.

– Шпионы?

– Да. Шпионы. Если обезглавите нас, то никогда не узнаете, какие сведения мы добыли. А что, раз уж я так легко украл это... яблоко... что помешает еще кому-то украсть другое? Мы могли бы рассказать, какие прорехи есть в вашей защите и как предотвратить новые кражи.

Хвосты ванар метнулись из стороны в сторону.

– Если вы нас судите, – продолжил Викрам, – то давайте обсудим все разумно. Как цивилизованные люди. А потом уж можете рубить нам головы.

– Меня только не приплетай, – пробурчала я себе под нос.

– И не надейся, – откликнулся Викрам.

Ванары сгрудились в кучу, задрав хвосты. Решение отчетливо читалось на их лицах.

– Вы отправитесь с нами и будете ждать суда по нашим законам, – провозгласил желтый.

Кинжалы исчезли. И в тот же миг на мои запястья и шею обрушилась тяжесть металла. Цепи. Я еще разок попыталась стряхнуть яблоко с ладони, но тщетно.

Хуже того – почудилось, будто оно уже просочилось в мою кровь. Рядом пошатывался не менее скованный Викрам.

– Просто не верится, что ты не взял настоящего оружия, –

проворчала я.

– Мне хватает силы разума, – ответил он. – Ты бы лучше спасибо сказала.

Я подняла обмотанные цепями руки:

– Сейчас лопну от благодарности.

– Но мы ведь живы. А еще я нашел способ попасть в Иномирье. Без твоей помощи.

В груди вспыхнуло негодование, но, как бы ни было противно, пришлось признать: принц нас спас. С другой стороны, он также воспользовался случаем протащить нас в Иномирье, куда я точно не стремилась. Ванары двинулись вперед, и мы с ними в ногу помаршировали через Чакарский лес.

– Так ты украл то яблоко? – спросила я.

– Конечно. Спать не могу, пока не сопру какой-нибудь фрукт. А еще я склонен к путешествиям во времени и по ночам обращаюсь зверем, и только твой поцелуй в силах разрушить...

– Я поняла. Мог бы просто сказать «нет». Но тогда откуда взялся тот образ?

Викрам нахмурился:

– Понятия не имею.

Ванары тянули нас точно скот по тропе меж деревьев.

– Если отбросить неописуемо глупую идею не брать с собой полезного оружия, ты все же сберег наши жизни. А теперь просто помолчи.

– Блестящий совет, принцесса. Из разряда «не забывай дышать, если не хочешь умереть».

– Ты бы лучше прислушался, Лис. У кого тут больше опыта в роли пленника?

– А у кого больше ума, чтобы вообще не попадаться в плен? По-моему, на данный момент мнение одного из нас куда весомее, чем другого.

Я злобно прищурилась:

– Если они тебя не обезглавят, то я это исправлю.

– А где будет вершиться суд? – проигнорировал меня Викрам.

– Дома, – проворчал самый крупный ванара. – Но для начала нужно кое-что сделать. Не возвращаться же королеве в пустой дворец.

– Если она когда-нибудь вернется, – вздохнул другой.

– Обязательно вернется! – возмутился третий. – Проклятья не бывают вечными. Они любят, когда их разрушают, и обижаются, когда все о них забывают.

– Разве Кишкиндха находится не в горах Калидаса? – уточнил Викрам.

– Именно там.

Он вновь сдвинул брови. В конце тропы забрезжили пятна света, усеяв серебристыми лентами утрамбованную землю. До гор Калидаса шагать было больше суток.

– Зеркальные лужи, – прошептал желтый ванара, обернувшись через плечо. – Остались после войны.

– Какой войны? – спросила я.

Но никто не ответил.

Ванары провели нас через пещеру, скрытую за завесой вьющихся лиан. Из щелей в камне сочился ослепительный свет. Я щурилась, пока мы не выбрались наружу, очутившись в долине огромной, как целое королевство. Сердце замерло. День и ночь разрывали небо надвое, и каждая половина жадно перетягивала пригоршни облаков у соседки. В вышине сверкали звезды.

У меня перехватило дыхание.

– Мы на Ночном базаре.

Сажены грез Викрам

Ашрам учил принцев цифрам и буквам, философии и манерам, но Викрам усвоил куда более полезный навык. Его воспитывали в вечной нужде, удерживая на расстоянии от желаемого, когда можно только смотреть, но нельзя впиться в мечту зубами... и потому теперь он легко мог разглядеть за пеленой слов, кто чего на самом деле хочет. Викрам познал ценность стремлений и ценность тоски по самому важному. Так он и уживался с собственными желаниями.

Во-первых, он понял, что яблоко важно для ванар. И все же они не стали рассматривать вариант забрать его и отпустить пленников восвояси. Однако глаз с фрукта не спускали. Викрам пытался их подкупить. В какой-то момент даже предложил одному из них жениться на Гаури, за что получил два болезненных тычка под ребра. Справедливости ради следом он предложил и себя в качестве мужа, но за сим переговоры и завершились. Впрочем, даже согласись ванары, толку бы не было. Яблоко все равно намертво прилипло к руке Гаури.

Во-вторых, ванары, сами того не сознавая, выдали свою самую главную слабость: они чувствовали себя брошенными

на произвол судьбы. Королева покинула их, и они мечтали о ее возвращении.

Так что, если объединить два фактора... яблоко и пропавшую королеву? Если сплести правильную историю, возможно, получится выторговать свободу.

Но стоило шагнуть на Ночной базар, как все мысли вылетели у Викрама из головы.

От изумления чувства обострились. Здесь обитали кусочки сказок, которые нашептывают в темноте, саженцы грез и призраки кошмаров. И Викрам стал частью всего этого. Он полной грудью вдыхал ароматы Ночного базара: со стороны звездной ночи тянулся зимний шлейф – ледяные груши и собранные в кучу угольки, сверкающие самоцветы и молочный крем; а от поцелованной дождем дневной половины веяло пламенем – перезрелыми сливами и сорванными цветами, сумеречными ягодами и стылым медом.

Увидеть Ночной базар – уже победа. Для Уджиджайна Викрам всю жизнь был досадным балластом. Самым знаменитым из облагодетельствованных подранышей. И утешение он находил лишь в сказках, где даже такой, как он, мог стать кем угодно. Теперь же, глядя вокруг, Викрам чувствовал, что все наконец встало на свои места. Он глубоко вдохнул, пытаясь прийти в себя после перехода по пещерам. Ноги болели от многочасовой езды верхом, а тяжелые цепи все сильнее врезались в шею.

Стоявшая рядом Гаури казалась расстроенной. Благород-

ство требовало поинтересоваться самочувствием принцессы. С другой стороны, покуда упомянутая принцесса пыталась его убить и наверняка попытается вновь при первом же удобном случае, возможно, благородные порывы лучше проигнорировать. Она перехватила взгляд Викрама и нахмурилась:

– Пыхтишь, как буйвол в предсмертной агонии.

Да, в бездну благородство.

Ванары волокли их через обе половины Ночного базара, и никто не обращал на пленников внимания. Викрам содрогнулся. Неужто притаскивать людей в Иномирье тут в порядке вещей?

– Ты хоть представляешь, чем здесь торгуют? – покосился он на Гаури.

– Мечтами, – хрипло отозвалась она, не поворачивая головы. – По крайней мере, так мне говорили. Надеюсь, это правда.

Гаури вскинула подбородок, в черных глазах отразилось небо, и на миг показалось, будто она соткана из света. Викрам понял, что пялится, и резко отвернулся. Иномирье играло с его зрением.

У Владыки сокровищ дурное чувство юмора, раз он решил свести его с вражеской принцессой. Викрам думал, что обещанное исполнение желаний удержит ее от убийства, но Гаури не хотела связываться с магией. Даже сейчас она искала путь к отступлению, изучая Ночной базар будто хищник,

все подмечающий и откладываящий сведения на потом. Зачем ей трон Бхараты, коли там пожелали ее смерти?

Зачерствелая часть Викрама предположила, что принцесса просто хочет вернуть отнятую игрушку. Но другая часть верила, что в ней есть нечто большее. Кто же эта девушка, которая смягчилась под небесами Ночного базара и надеялась, что в этом волшебном городе и правда торгуют мечтами? Викрам расправил плечи. Не важно. Ему ни к чему история ее жизни. Пусть лишь согласится на совместную игру, иначе он не попадет на Турнир желаний. Гаури должна стать его партнером. Он почувствовал это в тот миг, когда бросил ей рубин, будто сошлись два фрагмента головоломки. Но как заставить ее захотеть сыграть?

Пока они шли, на пути словно из-под земли вырастали палатки с разномастным товаром. Тут был и золотистый фрукт с трещиной на кожуре, похожей на ухмылку («когда на сердце погано, а надо изливаться сладкими речами»), и ожерелье из звездных осколков, в каждом из которых теплилась божественная песнь («дарует временную мудрость и находчивость»), и звонкие браслеты с лодыжек самой настоящей апсары («гарантированно наделят владелицу красотой... продавец-не-несет-ответственности-за-незапланированные-чувства-не-особо-привлекательных-потенциальных-любовников»), и поднос с клыками макары («возбуждающее средство для тех, кому в спальне хочется чуть больше сражений и укусов!»),

и многое другое.

Первым делом ванары приобрели банку сердцебиений у безглазой женщины. Гаури, по-прежнему сжимая в руке прилипшее яблоко, суетливо задержалась и уставилась на тропинку перед собой так, будто замышляла побег.

– Крайне полезная штука в бою, – пробормотал желтый ванара. – Заливаешь себе в глотку, и вот у тебя уже полный рот последних слов.

– А как ловят удары сердца? – спросила Гаури.

– Вырывают их из груди, когда ребенок теряет равновесие или новоиспеченная жена слышит шаги молодого мужа у порога спальни, – ответила торговка. – Люди тратят сердцебиение попусту. А что, девочка, хочешь сделку?

Гаури открыла было рот, но ванары оскалились и зашипели:

– Нет, не хочет.

Затем они прошли через шатер, забитый тысячами рулонов ткани. Чтобы коснуться их, Викрам даже напряг скованные руки. Тут был шелк, сотканный из яблоневого цвета, и золотая сеть жужжащих медоносных пчел, и рулоны речной воды с дрейфующими по волнам рыбьими костями, а в самом углу висели нити птичьей трели. Ванары неистово торговались за ткань, сплетенную из теней.

– Я отдам вам тeneвую ткань, еще и проклятую брошку сверху накинута – в обмен на человеческого мальчика-красавчика, – ухмыльнулась худая девица с иголками вместо зубов.

Викрам замер.

– Мне нужна брошка? – спросил желтый ванара у серого.

«Пожалуйста, скажи нет...»

– Тебе не нужна брошка.

Викрам облегченно повис на цепях, а торговка пожала плечами и протянула покупателям ткань. После этого шатра они очутились в будке с диковинным оружием, вырезанным из хрусталя. Гаури напряглась. А когда ванары потащили их дальше, втянула щеки и расставила ноги. Неужели собралась опрокинуть стол с оружием? Викрам внимательно следил за выражением ее лица. Да, так и есть, собралась.

Но она успела только подпрыгнуть, как ближайший ванара щелкнул пальцами, и Гаури застыла в воздухе.

– Плохая зверушка, – прорычал ванара, уронив ее на пол, а затем дернул за цепь, вновь поднимая на ноги. – Шагай. Или я отрежу тебе ноги.

Гаури повиновалась.

Наконец ванары приволокли их к сцене на ночной половине базара. На возвышении стояло двенадцать женщин. Голубые звезды сияли на их шеях, и немыслимо яркие цветы покрывали пол у их ног.

Одна за другой женщины откинули вуали и оказались столь прекрасны, что все вокруг ахнули. Даже Гаури неверяще приподняла бровь. Лица незнакомок напоминали образа из храмовой резьбы, недостижимые и совершенные.

У одних кожа была шелковистой, цвета полированного зо-

лота. У других – темно-синей, как павлиньи перья. У третьих вместо кожи переливалась чешуя. Единственное, что их роднило – голубой отпечаток звезды на шее каждой.

Глаза Гаури расширились. Викрам уставился на сцену... нужное слово вертелось на краю разума, никак не даваясь в руки, но заставляя отойти от женщин подальше.

– Вишканьи, – на выдохе прошептала Гаури.

Да, именно это слово он вспоминал. Викрам содрогнулся. Большинство уджиджайнцев не верили в байки о вишканьях, но отец рассказывал, что его дядя был убит прикосновением ядовитой куртизанки. Ее прислало в дар вражеское королевство, и на следующий же день дядя умер, а куртизанка исчезла. Смерть от единственного прикосновения...

– Узнали их? – спросил впечатленный желтый ванара. – Еще бы не узнали, они ж из ваших. Когда-то были людьми.

– Людьми? – ужаснулась Гаури. – Какая женщина сама захочет стать вишканьей?

Викрам покосился на нее. При дворе Уджиджайна к женщинам относились как к модным безделушкам – легко купить, легко заменить. Мать Викрама, некогда придворная певица, была одной из таких выброшенных вещей. Ее отослали, как только стало известно о беременности. Викрам знал лишь пару знатных особ, которые задумывались о жизни людей за пределами двора.

Гаури сказала еще что-то, но вопли толпы заглушили ее слова. Вишканья выбрала одного из зрителей, и поднявший-

ся на сцену красивый музыкант уселся перед ней.

– Они его убьют? – спросил Викрам.

– Главное, что нас не смогут, – отозвался ванара. Затем кивнул на него и Гаури: – А вот тебя запросто. Или ее. Для вишканий нет лакомства слаще человеческих страстей. И нечего на меня так зыркать, наглая девица. С ними ты свой конец не встретишь. Это удовольствие мы лучше прибережем для себя.

– Тогда зачем привели нас сюда? – процедила Гаури.

– Чтоб взглянуть на последнее выступление! – рявкнул другой ванара. – Завтра они отправятся на Турнир желаний...

Викрам приободрился. А вдруг получится пробраться в Алаку с куртизанками? Но, видимо, лицо его слишком уж просияло, потому как желтый ванара расхохотался.

– Ты не первый из людей, жаждущий отправиться с ними, мальчик. Но магию вишканий не обманешь, они тебя не возьмут.

Гаури вскинула голову и вперилась глазами в Викрама. Его внутренности скрутило. Ядовитые куртизанки участвуют в Турнире?

– Пока они путешествуют, никто не наймет их для убийства какого-нибудь мерзкого или подлого царька из мира людей, а значит, никаких больше демонстраций, – вздохнул желтый ванара. – Никаких развлечений.

Вишканья на сцене пела и гладила музыканта по шее.

– Мы будем скучать, когда они уедут, – прошептал ванара.

Перед музыкантом тем временем закружилось странное марево, и под прикосновения и шепот куртизанки оно ожило, обрело форму, обернувшись человеком из дыма. Дым по-манил музыканта, и лицо его исказилось от жажды, но стоило вишканье поднять руку – и марево рассеялось. Музыкант встал, из уголка его рта стекала тонкая струйка крови. Он вытер ее и жадно уставился на вишканью. Как зачарованный. Толпа взорвалась бурными аплодисментами, а Викрама чуть не стошнило.

К нему повернулся желтый ванара, зрачки его так расширились, что почти проглотили белки глаз.

– Видел? Они могут показать то, чего ты хочешь больше всего, и ты захлебнешься собственным желанием.

Серый ванара засмеялся:

– Ах, желание. Та еще отравка.

Викрам нахмурился. Где-то он это уже слышал. Но мысль мелькнула и исчезла, когда их потащили дальше по волшебному краю.

При всей здешней красоте чувствовалась в Иномирье некая незавершенность. Многие здания только начали строить.

Сад с серебряными ростками был огорожен жемчужным забором. Даже небо казалось сшитым из кусков, и ночные островки испещряли белые шрамы – не облака, не звезды, а нити.

Викрам вдруг понял, на что это похоже. Город переживал последствия войны, становясь все более жестким и настороженным.

– Кто победил? – спросила Гаури. – Вы же сказали, что была война.

– О да-а-а, – протянул один из ванар. – Грозная Королева и ее Ледяной Супруг упокоили Хаос, спутали звезды, разорвали нити, прожевали и выплюнули тьму!

Викрам закатил глаза. Их похитили полные безумцы, что не сулило ничего хорошего, но заранее нервничать не стоило. Он ведь знал их слабости, а это величайшее оружие, и другого ему не надо. Викрам и из не таких передрыг выбирался, и если бы ради свободы и попадания на Турнир ему пришлось продать душу, он бы так и сделал.

На дне покато́й долины раскинулось множество блестящих озер. Здесь словно отгремела мощнейшая гроза, и теперь усеявшие землю серебряные лужи озаряли мир. Серый ванара ловко пробирался меж ними, а Викрам заглядывал в воду, и от увиденного у него перехватывало дыхание. В глубинах луж таился лес стеклянных птиц. Сотня солнц. Тысяча лун. Цепь натянулась, и он поднял глаза на серого ванару. Тот сжимал в руке что-то яркое. Сверкающий рубин. На миг Викрам запаниковал, решив, что это его рубин, но затем ощутил, как родной камень царапает грудь сквозь потайной карман шервани.

«Зачем им пропуск в Алаку?»

Ни о чем другом подумать он не успел, ибо ванары прыгнули в лужу. Ноги Викрама заскользили по грязи, желудок затопило ужасом, и он зажмурился, приготовившись к падению.

Вкушая месть Гаури

Я умирала.

Наверняка. Такой голод выдержать невозможно. Он охватил меня еще на Ночном базаре, словно яблоко умоляло его укусить, и только предостережение ванар не давало впиться зубами в сочный бок. А когда мы прыгнули в зеркальный портал, голод стал нестерпимым. Он застил взор – я едва видела город-призрак, через который нас провели.

На насыпях тут и там полыхали небольшие костры, но улицы были пустынные. Я смутно разглядела потрепанные знамена, свисающие с кривобоких башенок, и кривые зубы горного хребта вдалеке, что ухмылялся все шире, будто силится разорвать мир пополам.

– Дом, – пропел желтый ванара, и даже сквозь мутную пелену голода я слышала боль в его голосе. – Однажды королева Тара вернется. Однажды ее наказание закончится.

Я не запомнила, чтобы меня волокли еще куда-то, но вдруг раздался лязг и грохот, и стало ясно, что нас заперли в темнице.

– Суд состоится на рассвете, – рыкнул серый ванара через дверь.

Комната тонула в затхлом зловонии, и я еле сдерживала рвотные позывы. Стены были выложены из сырого серого камня. В одном углу потолок подпирало железное дерево – слишком толстое, чтобы разодрать каменные плиты и пробиться наружу. Стоять удавалось с трудом. Что-то свисало с железных ветвей, какой-то громоздкий плащ, верно, оставленный предыдущим приговоренным пленником.

Теперь, избавленная от цепей, я наконец смогла потереть одной рукой истерзанную опухшую шею, морщась от боли.

– Думаю, их можно обмануть, – сам себе пробормотал Викрам, прислонившись к стене. – Убедить, что мы знаем, как связаться с их королевой, и улизнуть. Ты ведь еще в силах сражаться?

Видимо, ответ ясно читался на моем лице, потому что Викрам застонал.

– Покажи яблоко.

Я слишком устала, чтобы спорить, так что просто протянула руку. Золотая кожа уже слегка сморщилась, как у не самого свежего фрукта. В тусклом свете казалось, будто яблоко плавится.

– Странно, – промолвил Викрам.

– Твоя мудрость поистине не знает границ.

Мои слова проигнорировали.

– Что чувствуешь?

– Что умру, если не съем это яблоко.

Викрам задумался.

– А что мешает? Попробуй, посмотрим, что будет.

– Ты чокнутый?

– Скорее любопытный.

– Один укус может меня убить!

– Вряд ли. Ванары держали тебя на поводке... а вдруг это специально, чтобы ты не съела яблоко?

– Нет.

Сложно выразить словами, чем именно меня так пугал этот проклятый плод. Я просто чувствовала, что последствия окажутся разрушительными. А как иначе, если троица ванар была готова сторожить его сотню лет без надежды вернуть?

– Они предупредили, чтобы я его не ела.

– И ты им доверяешь?

– Нет, но фрукту я доверяю еще меньше.

Викрам отстал, бурча под нос что-то вроде «упрямица» и «за что мне это», я же попыталась отрешиться от голода, но он становился все ярче и настойчивей. Я покосилась на Викрама. Под глазами его залегли усталые тени. Лицо его – строгое и резкое – словно впитало те немногие капли света, что озаряли темницу. А он не такой уж тощий, как мне показалось поначалу. Скорее, мускулистый, поджарый, с точеными изгибами бегуна. Ничего лишнего. И глядя на него, я испытывала...

Голод.

Может, если съесть Викрама, мне хватит сил выбраться отсюда.

Может, если съесть его, я выживу.

Да что со мной такое? Я в ужасе отшатнулась. Но какой бы демон ни завладел мной, он требовал право голоса. И я прохрипела:

– Мертвым ты был бы мне полезнее, чем живым.

Викрам тут же вскинул голову, а в углу кто-то противно захихикал и прошипел:

– Полностью поддерживаю.

Я подскочила. По спине заструился холодный пот. Взгляд устремился к железному дереву, льнувшему к влажной стене. Я думала, что с его ветвей свисает плащ предыдущего пленника, но ошиблась. Это был труп. Бледный. С немногочисленными кусками плоти на облезлых костях.

– Всего лишь труп, – выдохнула я.

– Труп? Что за банальщина! – фыркнули в ответ. – Никогда вета⁸ не видели?

Викрам, раззявив рот, уставился на дерево.

– Они обитают только во дворах кремации.

– Молодец! – прохрипело существо. – Во дворах кремации очень удобно красть тела. А бестелесному злу только этого и надо.

Я крайне мало знала о ветах. Майя отказывалась говорить о них, боясь наслать на меня кошмары. Я помнила, что они крадут тела и питаются душами, но на этом все.

⁸ Вета́лы – в индийской мифологии вампироподобные злые духи, которые могут вселяться в мертвецов и заставлять их действовать как живые люди.

Ветала свесился с дерева вниз головой, цепляясь за ветви бледными сгнившими коленями. За спиной его с шорохом сложились огромные крылья, которые я и приняла за плащ.

– Любуешься? – спросил ветала, выворачивая шею. – Жаль, что они теперь лишь украшение, но я не мог вынести мысли о расставании с ними. Крылья добавляют разложению изящества. В конце концов, чего стоит загробная жизнь без красоты, да?

Он посмотрел на меня снизу вверх и принялся.

– Хотя тебе, может, и не понять.

Викрам придвинулся ко мне поближе, что, учитывая мои недавние позывы, не казалось особо разумным.

– Чего ты хочешь? – спросил он жестко.

– Не отказался бы от тела с полным набором хрящей, – откликнулся ветала. – Свое не отдашь?

– Нет.

– Может, тогда я женушкино заберу?

– Я ему не жена.

– Не жена? А за меня пойдешь? К несчастью, мою супругу обезглавили жители деревни. Не оценили ее чувство юмора. – Он вздохнул. – Ах, Путана... может, в твоей груди и плескался яд, зато какая она была восхитительно округлая.

Викрам скрестил руки перед собой:

– Тебя прислали шпионить за нами?

– Зачем мне тратить на вас бессмертие? – рассмеялся ветала. – Я вышел из тени, только чтобы дать совет. Лучше поз-

воль не-жене укусить тебя за руку. Она держит фрукт ракшаси, а значит, мечтает лишь о том, как бы тебя сожрать. Но ничего, оклемается. Это временно. Как любая ярость. Однако соблазн так велик. Я удивлен, что она до сих пор тебя не съела, хотя думала об этом.

– Погоди... что? – воскликнул Викрам.

– Фрукт ракшаси? – перебила я. – То есть... демонический плод?

– Ты правда хотела меня съесть?

– Успокойся, я держу себя в руках.

Викрам изогнул бровь, как бы говоря: *«Ты ведь уже пыталась убить меня сегодня»*.

– В архивных записях ашрама сказано, что ни одного демонического фрукта не осталось. Они перестали расти в человеческом мире.

– Пф. Мудрецы – идиоты, – отмахнулся веталя.

Викрам склонился над демоническим яблоком, прилипшим к моей ладони:

– Даже не думал, что они такие...

– ...красивые? Блестящие? Яркие, как надежда? Золотые, как первая любовь? – разливался трелью веталя. – Все вы, мальчишки, одинаковые. Ждете, что фрукты демониц будут рогатыми и кровоточащими, с шипастой кожурой и металлической мягкостью. Ты хоть раз влюблялся? Ах, любовь! Никогда еще бездна и небеса не приносили столь прекрасных плодов. С демонической сутью и золотым сиянием. Точно

женщина в самом соку.

– Что будет, если его съесть? – спросила я.

– На короткое время получишь демоническую мощь. Вырастешь, станешь сильнее и все такое, – ответил Викрам. – Но это не объясняет, почему ванары думают, что я мог его украсть. У меня бы не вышло. Фрукты откликаются только женщинам. Говорят даже, что они проросли из сердца демоницы.

– Мальчик кое-что упускает, – пропел веталя.

– Что?

Викрам упорно отводил взгляд.

– Съев плод ракшаси в неправильном месте и в неправильное время, женщина может... проглотить всех вокруг себя.

– Да? Ну хоть избавлюсь от тебя наконец.

Он округлил глаза:

– Лучшего момента для шуток не нашла? Ты шутишь. Так ведь? Гаури?

Я промолчала, веталя хихикнул, Викрам отошел от меня в сторонку.

– Зачем ванары их выращивают? – спросил он. – Королева Тара исчезла, возглавить армию некому. И судя по состоянию города, он как раз с тех пор и заброшен.

– Фрукты они хранят не поэтому, – протянул веталя. – Бедолаги просто лелеют своих призраков. Милая девочка, ты сейчас держишь в руке проклятье королевы Тары. И пото-

му, мой мальчик, твой план наплести ванарам лжи и выторговать свободу обречен на провал. Ничего не выйдет. Никогда! Вероятно, мы проведем остаток вечности вместе. Поведемся!

– Заткнись, или я отрежу тебе язык, – прошипела я.

– Только не язык! Что мне без него делать? К тому же, останься я без языка, кто вам расскажет, как сбежать? Кроме меня никто не знает.

– Ты знаешь, как вернуться в мир людей?

Ветала покачнулся.

– Мир людей? Ты не сможешь туда попасть, если съешь демонический плод. Где бы это ни произошло, в том мире ты и застрянешь как минимум на один оборот луны.

Вот так выбор: съесть яблоко, остаться в Иномирье и, вероятно, умереть здесь или не есть и умереть здесь наверняка.

Я колебалась.

– Ты лжешь.

– Дорогуша, я пред тобою весь как на ладони! Ради тебя я обнажил свое сердце. Вернее, то, что от него осталось. – Ветала покачнулся на дереве, сверкнув окровавленными зубами. – Во мне нет ни одной скрытой косточки.

– Как ты вообще оказался в темнице?

– Маленькая обезьянка забрела на мой двор кремации, и я ее съел! Жаль, что она оказалась не обезьянкой. О, зато я насытился на много-много дней вперед.

Викрам сложил руки на груди:

– Что ты имел в виду, сказав, будто демонический фрукт – проклятие королевы Тары?

Ветала глянул на нас лукаво.

– Лишь то, что она слишком глубоко увязла в любви. Она любила своего супруга, а он любил ее. Но группа куртизанок убила его и еще двух королей, и вместо того, чтобы позволить своей любви стать фантомной болью, Тара цеплялась за чувства, пока они не стали непроницаемым толстым коконом. Говорят, куртизанки мстили, ибо один из королей жестоко надругался над их сестрой. Но король был невиновен! Впрочем, кого это волнует? Никто никогда не оплакивает безвинно убиенных. Как это называется в вашем мире? Ах да. *Стечение обстоятельств*. Словно отнятая жизнь – сущий пустяк. Вроде зевка или смешка. – Ветала вновь покачнулся на ветке и хохотнул. – Никто не отомстил за мужа Тары. Всем было плевать. И тогда она вырастила собственную месть. Вырезала свое сердце, чтобы подпитывать ее, украла кости, чтобы защитить ее от стихий, вымолила плоды пролитыми слезами. Затем Тара заставила других вкусить ее фруктов, разделить с нею месть. И уничтожить все королевства, некогда поправшие справедливость. Ах, но сколько крови нужно выпить, прежде чем время излечит твою тоску? Плохая королева. Плохая-плохая-плохая. За свою жажду она проклята до тех пор, пока поцелуй не коснется ее каменного лба.

– И много здесь правды?

– Кому какое дело, правдива ли история, откуда она звучит? Как бы там ни было, ваши ваны не примут плод, из-за которого их королева проклята и изгнана.

Что за нелепое проклятье. Если б я могла захватывать королевства с помощью демонических яблок, то и сама бы их вырастила. Ветала уставился на меня пустыми провалами глазниц:

– Осторожнее, девочка. Королева тоже хотела слишком много. Ее история – история мести. Шагнешь на этот путь, и твоя жизнь сведется к чужой смерти.

И все же это не отвечало на вопрос. В чем преступление королевы Тары? В создании армии женщин? Что плохого в том, чтобы сделать себя непобедимой? В памяти промелькнула ухмыляющаяся физиономия Сканды. Будь у меня шанс стать непобедимой, я бы тоже им воспользовалась.

– Итак, предположим, ты попробовала фрукт и не съела всех вокруг, – сказал Викрам. – Тогда ты сможешь пробить эти стены и освободить нас?

– Сможет, – снова встрял ветала. – Но куда вы двинетесь дальше?

– Туда, откуда пришли, – буркнула я.

– А что потом? – вздохнул Викрам. – У нас не так много подсказок. И осталось всего два дня до...

– Молчи! – крикнула я.

– ...Турнира Куберы, – закончил он.

Внутренности обожгло паникой.

– Что ты сказал? – Голос ветапы прозвучал мертвецки серьезно.

Несмотря на невыносимую боль и снедавший меня голод, я сумела оттолкнуться от стены.

– Наверное, мне следует поддаться инстинктам и сожрать тебя только за твою непроходимую глупость, – прорычала я Викраму.

Он выпучил глаза и отступил.

– Поразительно, что уджиджайнцы собирались посадить тебя на трон. Тебя там хоть чему-нибудь учили? – прошипела я так, чтобы ветапа не услышал. – Никогда не говори, куда направляешься. Никогда не признавайся, что тебе нужно на самом деле. Ты только что выдал и первое, и второе – опять, – громогласно сообщив, как остро и в какой мы нуждаемся помощи.

– Я хотел... – начал Викрам.

– Да мне плевать, чего ты хотел. Меня волнует лишь то, что ты сделал. Это существо, – я махнула рукой на ветапу, – уговорит тебя отдать душу в обмен на удобный путь к желанной цели.

– А если он говорит правду? Или ты тут одна непогрешимая? Неужели так сложно совершить прыжок веры и хотя бы попробовать? К тому же ему что-то от нас нужно. И он этого не получит, пока не поможет.

– Ты почему-то уверен, что я отправлюсь с тобой на Турнир. С тем же успехом я могу затаиться в Иномирье на обо-

рот луны, а потом вернуться в мир людей.

– Ты настолько боишься магии?

Я прищурилась:

– Ты бы тоже боялся, если б был хоть в половину умен так, как говорят.

– Значит, решила впустую потратить месяц своей жизни вместо того, чтобы воспользоваться отличным шансом?

Я открыла и закрыла рот. В голове копошились сомнения. Да, я не хотела соприкоснуться с магией, но если мы выживем, и правда, не тратить же целый месяц впустую. Куда тогда идти? Чем заниматься? Я вспомнила обещание, сокрытое в зачарованном рубине... все, о чем я мечтала, к чему стремилась, аккуратно сплетенное в одно желание.

– Я знаю, как выбраться, и знаю, как попасть на Турнир желаний, – пропел вета. – Вы в курсе, что Алаку называют Королевством Страстей? Она лежит к северу от Нараки. Чудно, правда? Смерть и желание почти всегда идут рука об руку. Без меня вы даже этот город не покинете. Это царство ванар, вы, смертные глупцы. Они мудрее, сильнее. Их тоннели, входы и выходы не чета вашим незамысловатым крепостям с потайными коридорами. Но я не могу разрушить стены. Тут придется действовать девчонке.

– Чего ты хочешь, вета? – спросила я.

– Мне нужно тело.

– Свои мы не отдадим.

– А когда один из вас умрет?

– Нет.

– Ну, раз не хотите расставаться со своими телами, полагаю, мне придется довольствоваться вашими плечами. Я не могу ни ходить, ни летать. Я создан для дворов кремации, а не для одиночного заключения в проклятой камере с вонючим железным деревом и без единого трупа на лиги вокруг.

Викрам повернулся ко мне:

– Так ты рискнешь или нет? Демонический плод – все, что у нас есть. Я могу отвлечь ванар болтовней, но вряд ли этого хватит для побега. Без тебя никак. Не только сейчас, но и на Турнире. Только представь, на что ты будешь способна с крупницей магии.

Сомнения узлом скрутились в животе. Викрам потянулся к моей руке и сжал ее со странной нежностью, которая на миг заглушила громкий зов демонического яблока. Я не стала отмахиваться.

– Это наша жизнь, – продолжил он. – Наши желания на кону. Нельзя упускать шанс.

А теперь я отдернула руку.

– Свой я не упусти. А ты, Лис, чем рискуешь в этой игре? Своим красноречием? Какая жертва.

– Моя жизнь тоже под угрозой, – жестко заметил Викрам.

– Твоя жизнь не имеет значения для этой девочки, – засмеялся вета. – Может быть, когда-нибудь. Но не сегодня. Девочка-монстр, думаю, в другой жизни ты бы съела плод. Но для укуса нужна храбрость, а ты свою где-то потеряла.

Может, утопила в слезах, пока оплакивала разбитое сердце?

Викрам вперился в меня взглядом и отчеканил:

– Знай, я не умру вместе с тобой. И поучаствую в Турнире.

Ветала вновь разразился хохотом:

– Поучаствуешь? Милый мальчик, игра начинается не с прибытием игроков в королевство Куберы. Она начинается, как только он этих игроков выбрал.

8

Темное внутреннее Я Гаури

Месяцы спустя после того, как я вытащила Налини из воды, город и деревни все еще так ликовали, что Сканда позволил мне стать своего рода поверенным. Мне разрешили присутствовать на заседаниях совета, и порой мы с Налини играли с сыновьями и дочерьми деревенских глав.

Бхарата запомнила мое имя, и постепенно я полюбила родную страну, ее народ, обычаи и историю. Я думала, что мне повезло. Что сердце моего брата оттаяло. И только в четырнадцать лет поняла, почему он столь охотно прославлял мое лицо и имя на всю Бхарату.

Сканда позвал меня в тронный зал. Я подозревала, что он сердит, ибо вчера в присутствии совета оспорила его решение насчет строительства храма в разоренной засухой деревне.

– Молитвы хороши, но будешь ли сыт словом, коли не можешь испить воды? – сказала я придуманную Налини фразу и улыбнулась, глядя на восхищенные и потрясенные лица членов совета.

Однако теперь брат встретил меня широкой улыбкой. Часть советников стояла в тени, наблюдая за нашим об-

щением.

Сканда поднял богато украшенный сундук, которого я прежде не видела.

– Благодарю за столь щедрый подарок, дорогая сестра.

– Какой подарок? – нахмурилась я.

Он откинул крышку, а под ней... извивались молочно-белые змеи. Советники ахнули, но Сканда лишь поднял руку и рассмеялся:

– Водяные змеи? Не тревожьтесь, советники. Это шутка, понятная только нам с сестрой.

Он отпустил их взмахом руки, и зал опустел за несколько секунд, но прежде я удостоилась множества подозрительных и презрительных взглядов.

– Я ничего такого не дарила, – в ужасе прошептала я. – Зачем мне дарить тебе ядовитых змей?

– Сестренка, ты прямо сама невинность, – хохотнул Сканда. – Вот только ты не знала... Ядовит не их укусы, а их прикосновение. И упав в колодец с питьевой водой, эти змейки могут за день уничтожить целую деревню.

Угроза прозвучала ясно как день. Ведь я сама выступала за воду, пока совет не стал смертельной ловушкой. И раз брат перед всеми заявил, что змеи – мой дар, то и яд наверняка свяжут со мной.

– Ты солгал.

– Ложь! – рассмеялся он. – Все рассказывают сказки, сестрица. Может, я не так знаменит и любим, как ты, за-

то в моем распоряжении уши очень влиятельных людей.

— Чего ты хочешь, Сканда?

— Рад, что ты спросила. Я позволю прорыть этот колодец, но взамен хочу, чтобы ты убедила половину деревенской дружины присоединиться к войску Бхараты.

— Они и так настрадались. Им нужна сильная дружина, чтобы сдерживать народные волнения, а войску Бхараты хватает солдат.

Сканда подтолкнул ногой закрытый сундук со змеями, и сквозь дерево донеслось яростное шипение.

— Им нужно то, что я скажу. А мне нужно обезопасить наши восточные земли.

Во мне разгорался гнев.

— А если я не соглашусь? Отравишь целую деревню и позволишь моему будущему погибнуть вместе с ними?

— Сомневаешься?

— Совесть не замучает?

Брат ответил без колебаний:

— Нет. Из-за подобных переживаний теряешь бдительность, а это всегда заканчивается перерезанной глоткой. Так что нет. Я не буду мучиться, если они умрут. Меня волнует лишь мой дворец. Мой трон. Моя жизнь.

— Ты не сломишь меня лживыми рассказами, брат.

— Ты ведь счастлива, да? Ты любишь и любима. Полагаю, народ убежден, что, если ты попросишь солнце не вставать, оно послушно останется за горизонтом. Но большие

историй о восхождении к славе толпе нравится лишь одно – истории падения с пьедестала. Я могу низвергнуть тебя за секунду. Могу забрать все, что тебе дорого. Видишь ли, слова нужны не только для детских сказок на ночь. Они нужны, чтобы управлять.

Я никогда не забуду его угрозы. После этого я старалась никому не давать над собой власти, но следующие три года была вынуждена играть в политические игры брата.

Небо снаружи словно вернулось с битвы. Алые раны разрывали ночь на части.

Скоро рассвет, и явятся ванары, значит, пора делать выбор. Умереть я могу в любом случае. А если съем фрукт и мы сбежим, что тогда? Доверять магии все равно что пытаться обуздать грозу. Но и прятаться в Иномирье целый месяц тоже нельзя, ведь Налини может в любую секунду лишиться жизни.

Я стиснула зубы.

Если выживу, то сражусь на этом Турнире. И к магии отнесусь так, как следует: не как к дару, а как к оружию. Которое нужно использовать с осторожностью. И без восторга.

– Ветала, – позвала я шепотом, чтобы Викрам не услышал. – Кем я стану, если съем яблоко?

Ветала хмыкнул и покачнулся:

– Только собой, девочка. Только самой собой. Ведь что может быть страшнее нашего темного внутреннего Я?

По камню застучали шаги. Я прикусила щеки, успокаива-

ясь. Все равно умру – либо от своей руки, либо от чужой, но решать за себя не позволю.

Яблоко пело, сок стекал по моей ладони. Я подошла к Викраму и легонько его пнула.

– Что? – буркнул он, поднимая покрасневшие глаза.

– Отвлеки ванар.

Он распрямился:

– А потом?

Я глубоко вдохнула:

– Если выживем, я... я выступлю с тобой на Турнире.

– И больше не станешь покушаться на мою жизнь?

– Давай не будем торопиться.

Викрам ухмыльнулся:

– По рукам.

– Если... – Я осеклась. – Если я потеряю разум, не оставляй меня в живых...

– Чего ты хочешь прямо сейчас? – перебил он.

В дверь замолотили кулаком.

Очень вовремя.

Викрам встал, заслонив свет, и лицо его потонуло во мраке. Он склонился к моему уху и прошептал низким настойчивым голосом:

– Знаю, ты боишься потерять себя, но думай только о том, чего хочешь больше всего. Иногда, чтобы сохранить разум, только это и нужно. Так ответь же, Гаури... О чем ты мечтаешь?

Я подумала о Налини, запертой в темнице. О Сканде, что сидит на троне и источает ложь.

– О свободе, – выдохнула я. – Я мечтаю о свободе.

Викрам нахмурился, как будто ожидал чего угодно, только не этого. Тишину пререзал лязг железа, и дверь распахнулась.

– Пора-с! – пронзительно крикнул желтый ванара. – Вперед и с песней, похитители фруктов. Время рубить головы.

Ветала зевнул и расправил пергаментные крылья:

– Если вдруг решите жить, то я тут, томлюсь в уголке.

– Отвлеки их. Когда придет время, я сломаю стену, мы заберем веталу и сбежим.

Викрам кивнул. Никто из нас не стал упоминать, что этот план зависел от одного: сумею ли я сохранить разум.

– Готовы? – спросил ванара.

Викрам бросил на меня последний взгляд. И в нем я увидела не молчаливое прощание, а понимание. На миг показалось, что пространство между нами залито огнем. Ярким и живым, напитанным нашей общей мечтой: загадать желание.

Отточенная ухмылка скользнула по лицу Викрама, когда он повернулся к нашим пленителям. И в тот же миг я поднесла золотой плод к губам. На металлической коже вспыхнуло мое искаженное отражение. Я вонзила в него зубы, ожидая, что демоническое яблоко поддастся с трудом. Но оно оказалось мягким как шелк. Рот наполнился странным вкусом – сталью и холодом.

Будто кровью и снегом.

Принцесса-зверь

Викрам

Стоило обернуться, и паника когтями впилась в кожу.

Вот и все.

Викрам умел изображать спокойствие, но сейчас им и не пахло. В дверном проеме стояла троица ванар, направив на пленников луки с натянутыми резными стрелами.

– Прежде чем отправиться на верную смерть, я хотел бы услышать, в чем мы провинились.

– Зачитай список преступлений заключенных.

Желтый ванара прокашлялся.

– Украли наш фрукт!

Серый ванара кивнул:

– Дальше.

– Дальше? – нахмурился желтый. – В смысле? Они еще что-то сделали?

Викрам покосился на Гаури. Она смотрела на него из темного угла камеры, сгорбившись и покачивая головой точно животное. Ярко-золотой сок блестел на ее губах и стекал по подбородку, черные зрачки перекрывали радужку глаз. Она двигала руками, пыталась что-то сказать Викраму, а потом он увидел...

Когти. Из кончиков ее пальцев торчали когти. Бедра изгибались под невообразимым углом, словно задние лапы. И сандалии тоже были разорваны когтями. Она горбилась не от боли. Она сидела на корточках, потому что превращалась в демоницу. Взгляд ее переполняла ярость.

«*Используй меня*», – велела она беззвучно.

– Хватит этой чепухи! – воскликнул серый ванара. – Сейчас вы пойдете с нами...

– Оценит ли ваша королева столь извращенный суд? – спросил Викрам. – Думаю, ей будет стыдно, что вы вот так распоряжаетесь ее наследием.

Желтый ванара болезненно взвизгнул, как раненый зверь, и повернулся к соседу:

– Ей будет стыдно, брат?

Гаури за спиной Викара вспарывала когтями землю. От паники путались мысли. Не бросится ли она первым делом на него, если потеряет разум? Пока ванары спорили, Викрам оглянулся. Глаза Гаури не изменились, хотя на макушке появились мохнатые уши леопарда, а во лбу сверкали диковинные рога. Она вскинула голову, обнажила в оскале зубы и зарычала-заговорила: «*Используй. Меня*».

И прямо на глазах... выросла. Туника разорвалась в клочья, но это было неважно, ибо на месте кожи уже переливалась золотистая шерсть.

Гаури поднялась, и теперь ростом превосходила мощных скакунов, а столь широкая спина посрамила бы и медведя.

А потом она взревела. Ветала рассмеялся и не успокоился, даже когда от грохота, сотрясшего темницу, повалился с железного дерева на пол.

– Она съела плод! – ахнули ванары.

– Нет... – ужаснулся серый.

А Викрам лишь хмыкнул.

Слишком поздно.

В Гаури не осталось ничего человеческого, кроме этих сияющих глаз. Позади нее метался из стороны в сторону хвост снежного барса.

«Пора», – сказала она одним взглядом.

Викрам бросился вперед, подхватил веталу и запрыгнул Гаури на спину. Вдруг почудилось, будто из каждой тени в королевстве Кишкиндха донесся тихий радостный смех. Ванары выпустили стрелы, но Гаури переломила их зубами.

– Ветала! – рявкнул Викрам. – Мы сдержали слово! Сдержи свое, не теряй чести!

Ветала вздрогнул:

– Чести? Мог бы найти мотивацию получше чести. Попробуй что-нибудь соблазнительнее. Вроде полуголой дамы или чана с козьей кровью.

– Указывай дорогу!

– Хорошее чудовище. – Ветала похлопал Гаури по массивной голове, и она зашипела. – Плохая кошка. – Затем он лизнул палец и воздел его над безветренным пространством. – Нам в стену.

– Ты в своем уме? – спросил Викрам.

– А что?

– Прямо в каменную стену?

Еще одна стрела распоролa воздух, но Гаури сбила и разломала ее пополам огромной лапой. Викраму послышалось, будто в животе ее клокочет смех.

– С дороги, или умрете, – сказал он ванарам.

Гаури сорвалась с места, устремившись к серой стене перед ними.

«Раз».

Желудок выворачивало наизнанку. Викрам не хотел расшибиться насмерть о камни. Он вообще не хотел умирать.

«Два».

Ноздри забивал кислый запах. И Викрам уже представлял, с каким звоном разлетятся на осколки прекрасные рога Гаури.

«Три».

Шерсть ее блестела, по мощному торсу струился свет. Викрам усилил хватку, готовясь к удару...

Но удара не было.

Чаша сочных воспоминаний Гаури

Я не знала боли. И страха.

Когда тело мое обросло шерстью, а ногти изогнулись когтями, я поняла, что значит оголиться до самого нутра. Это значит, увидеть мир таким, какой он есть. Я содрала кожу и выпустила наружу то, что всегда таилось, трепыхалось и дремало во мне: зверя. Чудовище. Миф. Девушку. В чем между ними разница?

Последней мыслью перед оборотом промелькнуло в голове загаданное желание. Свобода. Истинная свобода. И пусть я не могла произнести его вслух, но чувствовала, как тяжесть заветных слов наполняет меня изнутри, давит на зубы. Желание стало сияющей линией, границей, которую мой разум не пересечет, дабы я не потеряла себя навеки.

Мы мчались прочь, и я наслаждалась каждой секундой. Я видела, ощущала ароматы и вкусы. Слизывала звездный свет с потоков воздуха. Наблюдала, как полночь переваливается через горный хребет. Когда мы прорвались сквозь стену, на миг я решила, будто потеряла Викрама, но затем уловила его запах. От него пахло желанием и сокровенными мечтами, и от этого мое потускневшее человеческое «я» бросило в жар.

– Беги навстречу запаху смерти, прелестное чудовище, – погладил меня по голове веталя. – Грот Нежити – первый рубеж королевства Куберы.

Найти нужные нотки было несложно. Запах смерти уже пропитал мир вокруг, но все же пришлось потрудиться, чтобы унюхать основной его источник. Я шарила по земле, поднимая клубы пыли и выискивая отголоски смрада разложения – бледных грибов, изгибов тени в клубке света, сдавленных звуков, что вливались в уши, точно затупленные зубы эха.

А обнаружив, ринулась к цели. Не знаю, как долго я бежала. Бежала, пока не стихли крики животных. Пока не исчезли запахи. Вот она, смерть – отсутствие всего. В Грот Нежити я ворвалась во все еще зверином обличье. Только когти уже уменьшились. И рога отвалились где-то по дороге. Действие демонического фрукта быстро сходило на нет.

Я сбросила со спины всадников, будто тяжелый плащ. Ветала рухнул на землю, извергая проклятия, Викрам же невозмутимо поднялся и только отряхнул тунику. И недолгому пониманию, воцарившемуся между нами на время моего превращения, тоже пришел конец. Глаза принца полись вспыхнули.

– Воспользуюсь-ка я моментом, пока ты не можешь ответить и уже лишилась когтей, и напомним, что ты была уверена, будто не стоит есть демоническое яблоко. И ошиблась. Так вот... – Он глубоко вдохнул. – *Я же говорил.*

– Дурак, – пробормотал веталя.

Я зарычала и, собрав ускользающие силы, ударила принца лапой под колени. Охнув, он кувыркнулся по земле.

– Что ж, – прохрипел, перекатываясь на живот, – приму твое молчание за согласие.

Затем сел и заправил за ухо прядь темных волос. Даже с лицом, перепачканным грязью, Викрам выглядел по-королевски. Длинные ноги он скрестил перед собой, спиной откинулся на каменный выступ, будто все так и задумывалось и выступ этот создали специально для него.

Отвернувшись, я оглядела Грот Нежити, похожий на иссохший водоем между двумя отвесными скалами. Белые косяные деревья тянулись из земли, будто тонкие пальцы. Камни цвета киновари покрывали пятна лишайника и блестящие, словно масляные бутоны. Луна с неба исчезла. От одного вида этого места у меня шерсть вставала дыбом. Все же Грот никогда не считался совсем уж мифом. Порой разведчики, возвращаясь в Бхарату, рассказывали о нем. Как их дразнил и запутывал ветер. Как ступившие на эту землю отказывались уходить или пропадали бесследно. А те, кого утаскивали отсюда силой, менялись навсегда. Тут и там валялись тому подтверждения. Груды доспехов. Даже кое-какое оружие. Я пробиралась сквозь мусор, отбрасывая ржавые железки, пока не нашла тупой кинжал. Лучше, чем ничего. Взяв его в зубы, я вернулась к своим спутникам.

Викрам не сводил глаз с Грота.

– Долго еще будет действовать демонический фрукт?

– Она вот-вот обернется, – раздраженно фыркнул вета-ла. – Не гляди так разочарованно, лисье высочество. Ты думаешь, что для сражения здесь нам необходима демоническая сила. Но сражаться не нужно. Нужно смотреть. Прежде чем попасть к главным вратам Алаки, придется миновать еще две двери: Грот и Перекресток.

Я вспомнила строки из рубина: *«Алака там, где вас снедают воспоминанья, Алака там, где нет пощады глупцам и трусам»*. И что из этого про Грот?

Холодный ветер пробирал до мурашек. Я чувствовала, как освобождается мой разум, как сжимается тело. Мощные демонические мышцы теперь обхватывали совсем узкие плечи, тонкие кости. Мир потускнел и уменьшился.

«Ох», – подумала я и в тот же миг услышала свой скрипучий голос:

– Ох.

А затем:

– О нет.

Уцелели на мне только сандалии да ожерелье Майи. Туника болталась на теле разодранными полосками. Викрам вдруг уставился мне за плечо, будто разглядел там что-то крайне интересное, а вета-ла взвизгнул и прикрыл лицо своими рваными крыльями.

– Дай шервани, – потребовала я.

– Как можно отказать в столь любезной просьбе, – про-

бормотал Викрам, паливший в сторону так, будто от этого зависела его жизнь.

Но шервани снял и бросил мне. Страхивая с плеч остатки туники, я не сводила глаз с его лица и едва не задыхалась от благодарности.

Большинство мужчин без зазрения совести пялились бы в открытую. А некоторые и взглядами бы не ограничились. Слишком многие бхаратцы считали, что тело женщины ей не принадлежит, и это всегда выводило меня из себя. Но в тот единственный раз, когда я попыталась хоть что-то исправить, я лишь навредила.

Тогда я высекла солдата, который силой зажал в углу юную служанку. К счастью, подоспевший Арджун вовремя оттащил его, и девушка сбежала.

– Радже Сканде плевать! – кричал солдат под хлесткими ударами плети.

– Я похожа на своего брата? – ухмылялась я.

В тот день я жутко собой гордилась. Словно могла защитить всех и каждого. Но Сканда прослышал о моих словах, и тем же вечером служанку привели в его покои. Я узнала обо всем лишь на следующее утро, когда она остановила меня по пути в казармы. Глаза ее блестели от слез.

– В другой раз избавьте меня от своего милосердия, принцесса.

С тех пор меня без конца терзала мысль о том, скольким людям я причинила зло, всего лишь пытаясь их защитить. Я

на миг прикрыла глаза. И наконец натянула шервани.

– Как тебе видок? – спросила, повернувшись к Викраму.

Он моргнул, до сих пор на меня не глядя:

– Отличный. Ничего лучше в жизни не видел.

– Рада за тебя, Викрам. Ибо можешь больше ничего и не увидеть.

Я подхватила кинжал и прошла мимо принца к ветале, что, напевая, рисовал в грязи круги и звезды.

– Держи слово, нечисть. Доставь нас в Алаку.

– Ну вот, – вздохнул он, подползая к нам. – Разве я не говорил, что это вопрос точки зрения? И разве я не благородный труп? Наклонитесь ближе. Еще ближе. Расскажу вам кое-что.

На меня упала тень Викрама, когда мы оба присели перед ветадой. Тот приподнял свои ободранные колени, открыл рот, будто собираясь говорить, а потом... плюнул нам в глаза.

Я отшатнулась. Один глаз жгло, и я потерла его рукой.

– Я тебя даже без кинжала прикончу, – прорычала ветада.

– Только бы не ослепнуть, – простонал Викрам, тоже натирая кулаком глаз.

Я попыталась ткнуть его локтем, но промахнулась и потеряла равновесие.

– Не благодарите, – пробормотал ветада.

Я вновь коснулась левого глаза – того, в который тварь плюнула, – и поняла, что он странно холодный на ощупь. Мы

с Викрамом уставились друг на друга.

Один из его карих глаз теперь был ярко-зеленым. Я вглядывалась в его лицо, замечая то, чего не видела еще несколько мгновений назад. Угасающий свет сделал его резкие, но красивые черты потусторонне прекрасными. А стоило нашим глазам встретиться, как у меня перехватило дыхание. В глубине его зрачков проплывали образы... Женщина с серыми прожилками на висках и пучком синих цветов в руке, толстый император с однокрылой птицей на плече. Пустые колыбели и мрачные коридоры. И мальчик. Мальчик, который держался так, словно внутри его бушует шторм, пронизанный вспышками света. Викрам тоже казался встревоженным. Он хмурился, а когда опустил взор на ожерелье Майи, то и вовсе изумленно приоткрыл рот.

Что выдали ему мои глаза?

Он вдруг повернулся и потрясенно выдохнул:

– Боги.

Проследив за его взглядом, я и сама испытала ужас.

Раньше Грот казался безжизненным и пустынным. Теперь он кишмя кишел разномастными тварями. Они цеплялись за белые кости деревьев, но не болтались на ветвях мертвым грузом и не стояли столбами, а бодрствовали и беспрестанно шевелились.

И все как одна смотрели прямо на нас.

– Ну же, скорее, – заныл веталя. – На кону, знаете ли, не только ваши глупые жизни.

Прикрыв глаз, в который он плюнул, я еще раз оглядела Грот и не увидела ничего, кроме все тех же костяных деревьев. Но стоило прикрыть другой глаз, и вокруг, скрежеща зубами, завозились скрюченные тела.

– Один глаз видит иллюзию... другой смотрит сквозь нее, – тихо произнес Викрам.

– Тогда почему мы?.. – Я осеклась.

Викрам поймал мой взгляд и быстро отвернулся. Почему мы увидели друг друга насквозь, будто мы всего лишь цветные стеклышки?

– Тело – это тоже иллюзия. Теперь вы можете смотреть сквозь нее, – объяснил вета. – Словно заглядывать в сосуд из плоти. А это просто хранители. Больше всего им нравится то, что сокрыто в вас. По сути, вы лишь чаши, полные сочных воспоминаний. Твари жаждут вынуть их, впиться в них зубами, погрузиться в мгновения жизни, отпечатавшиеся в вашей памяти.

– Как же эти монстры до них доберутся? – спросил Викрам.

Вета улыбнулся, и от этой улыбки по спине моей скользнул холодок.

– Они могут учуять воспоминания, что точно пары исходят от твоей кожи. Они притянут их, и ты, как сонный жирный шмель, убаюканный голубым зевом хмельного цветка, упадешь в объятия любой иллюзии, какую они только создают.

Я втянула щеки и отряхнула шервани. Я была готова, а вот Викрам не выглядел столь же решительным. Он побледнел и устался на Грот так, словно точно знал, какие ужасы его там ждут.

– Ну умрете и умрете, не надо так волноваться. Я мертв и чувствую себя прекрасно, – сказал веталя. – Но если вас все-таки убьют – что меня совсем не удивит, только раздосадует, – пожалуйста, постарайтесь сохранить головы. Безголовые тела мне ни к чему.

Поскольку в Грот всех привезла я, пришел черед Викрама пускать веталя себе на спину. Тот пригладил его волосы и пропел:

– Хороший ослик.

На краю склона я еще раз проверила, работает ли волшебный глаз, а когда Викрам выдохнул, явно намереваясь высказаться, приготовилась услышать торжественные слова вроде: «Смерть все равно заберет каждого из нас». Но вместо этого он предложил:

– Наперегонки?

Прозвучало так чудно, что я... расхохоталась. Поразительно, что во мне еще теплилось веселье, и еще поразительней, что оно решило выплеснуться за несколько мгновений до битвы, когда смерть уже сжимала победу между большим и указательным пальцами.

Вырвавшись из живота, смех согрел заledenевшие кости. Может, потому безудержное веселье, как правило, и рожда-

ется на грани безмолвного ужаса. Только тогда оно в силах даровать крылья поникшему духу. Я как раз нуждалась в крыльях. И я не знала, понимал ли Викрам, что сделал, но была ему благодарна.

Ветала застонал:

– Вы точно умрете.

Потребовался всего один шаг, чтобы Грот преобразился. Ветер взметнул мои волосы, а вдалеке вспыхнула полоска света. Что-то сияло в зеве пещеры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.